

Л. В. Ключков

ТЩЕТА-2

(неоконченный роман)

Лев Ключков

Тщета-2 (неоконченный роман)

«Геликон Плюс»

2016

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Клочков Л. В.

Тщета-2 (неоконченный роман) / Л. В. Клочков — «Геликон
Плюс», 2016

ISBN 978-5-00098-066-8

Этот роман о том, какой фантастической бывает жизнь, когда удаётся увидеть хотя бы один из прекрасных снов. Главный герой (рассказ ведётся от первого лица) бежит из дома ради свободы творчества. Во сне/наяву он встречается девушку своей мечты и бежит с ней от Змея. По дороге они попадают в далёкий монастырь, где герой находит рукопись с рассказом о путешествии монаха Антония в далёкие и дикие страны. В этот рассказ вплетаются истории о Куатре, также бежавшем из дома, но вынужденном вернуться, о Русалочке, погибшей от встречи с реальностью, о говорящих цветах, о Крысолове, озабоченном будущим человечества, и совершенно фантастическая история о межпланетном путешественнике, открывшем планету Утопия с абсолютно неосуществимым общественным устройством. Как и подавляющее большинство литературных произведений, роман в большой степени автобиографичен. Однако жизненные ситуации преломляются в нём настолько причудливо и фантастично, что их трудно соотнести с реальной действительностью, что приводит к неизбежному, хотя и тривиальному выводу – пока звенят цепи, сковывающие нас с жизнью, нужно шевелиться, и тогда реальность становится богаче снов и фантазий. Но при этом тщетны наши усилия вырваться из обыденности.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-066-8

© Клочков Л. В., 2016

© Геликон Плюс, 2016

Содержание

Предисловие автора	7
Петербургские крыши	8
Вальс цветов	19
Петербургские крыши (продолжение)	29
Крысолов	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Л. Клочков

Тщета-2 (неоконченный роман)

© Клочков Л., текст, 2016

© «Геликон Плюс», макет, 2016

* * *

*«Нам дано трудиться, но не дано завершать труды наши».
Слова сии принадлежат Степану Устиновичу Ремезову, строителю
Тобольска.*

Предисловие автора

Всем, кто пытается критиковать меня, могу только повторить слова Пилата:
«Что я написал, то написал» [Иоанн, 19:22].

Этот роман не окончен по определению, поскольку наш роман с жизнью не кончается до тех пор, пока мы слышим звон цепей, приковывающих нас к этой жизни. Можно привести ещё несколько свидетельств в оправдание подзаголовка нашего романа:

«Только Бог кончает дело,
Лишь Творец конец дарует». *Калевала*.

«Ибо только мелкие сооружения доводит до конца начавший строительство архитектор.
Истинно же великие постройки всегда оставляют ключевой камень потомству» *Г. Мелвилл*.
Моби Дик.

«Шепнули: – Кончать не должно, ты выполнил меру работ.
Как и тот, твой дворец – добыча тому, кто потом придёт». *Р. Киплинг*.

и так далее...

Петербургские крыши

И даже мышь не съест здесь приюта.

Утро встретило меня жутким холодом. То небольшое тепло, которое я вечером принёс с собой, давно было израсходовано под полным отсутствием одеяла. Пришлось, сползая с разваливающегося ложа, немного размяться, и тогда немного потеплело, и изо рта пошёл пар. Я немного ещё посидел, но поскольку никому не было до меня дела, вышел в коридор и отправился искать пропитание и дорогу в будущее.

Я был молод и полон надежд, хотя мне и пришлось уже многое попробовать в жизни, у меня не было той основы, которая делает человека чем-либо. Человека, который вырастает в определённом окружении, это окружение и определяет всю его жизнь, и готовит к ней, даже если человек бросает эту жизнь и сбегает в капитаны или ещё куда. Но я бежал пока что только от семьи и от нищеты, что в общем-то удалось только наполовину – долг перед близкими держал меня на достаточно короткой цепи, а нищета окружала всех нас настолько плотно, что бежать от неё через неё можно было только к ней, – она не покидала нас никогда, нищета вследствие нищеты духовной, которая так и не позволила встать выше неприятностей жизни и забыть о хлебе насущном, забивала все остальные заботы о величии творчества и стремлениях духа.

В итоге, обладая всё-таки творческой душой, мне пришлось ограничиться тем видом деятельности, которая не требовала ощутимых затрат, – чернила и бумага в небольших количествах стоят недорого и доступны даже нищим, не то что холсты, мрамор или, в особенности, музыкальные инструменты, а техника приобретается только ничем не стоящими усилиями ума. Грамматике же нас обучили бесплатно, в детстве, в школе, как и всё остальное население.

Я собирался жить один и самостоятельно, хотя семья моя и не собиралась утрачивать контроль надо мной, а у меня, конечно, ещё долго не хватило бы решимости порвать с ними окончательно и навсегда.

Написано у меня было немного. И ещё меньше было того, что можно было бы представить на суд читающей публики. Если говорить откровенно, то аккуратно переписанной на хорошей бумаге была у меня только одна вещь, – трагедия Синяя Шапочка. Вы знаете, это та самая сказка, когда-то услышанная от одного моего знакомого, молодого охотника, переработанная мной как повесть Ш. Перро с Э. Берном, с помощью моего неподражаемого юмора, в двухактную трагедию. Я воспринял эту историю именно как трагедию, потому что в ней всё было определено с начала и до конца с фатальной неизбежностью трагедии, и поворотов судьбы, приносящих неожиданное счастье главному герою, здесь быть не могло. Но по крайней мере было смешно. Конечно, я не мог рассчитывать на то, что моя пьеса удостоится постановки, даже в наш век эротических поисков на сценах, но мысль предложить эту пьесу нашим издательствам и получить за неё хоть немного денег преследовала меня уже давно, даже не столько из-за денег, сколько из-за того, что написанное должно рано или поздно найти своего читателя. Или слушателя.

Поскольку в этой безобразной, но пока единственно доступной для меня квартире у меня оставалась только кружка воды, то пришлось ограничиться скромным умыванием, похожим на кошачье, причём кошкам легче, они умываются без воды и могут вылизываться так тщательно, как их приучили в детстве, а у нас слюней маловато, во всяком случае для утреннего умывания. Запирать я не стал, – нечего и не от кого, и вышел через грязный и запущенный коридор, не заглядывая к хозяйке, в широкий мир Литературы.

Как-то один знакомый объяснил мне, что для того, чтобы автора, начинающего, разумеется, напечатали, он должен быть членом Союза писателей, потому что литература должна

соответствовать, и кто, кроме Союза, может следить за тем, чтобы держать и не пущать. Но, следуя нашей логике, главным условием вступления в Союз было наличие напечатанных произведений. Кто сумел разорвать этот круг, тот пользовался всеми благами. А как разрывать классические бюрократические круги, мы не обучены опять же с детства. Но пока я ещё верил и надеялся, тем более что в стране начал веять ветер перемен.

Первым делом я направился в редакцию самого передового нашего журнала, которая находилась прямо на Невском проспекте. Вид у меня был не шикарный, но я не успел ещё и обтрепаться до неприличия, то есть выглядел как основное серое большинство. Даже то, что я не умылся как следует, не замечалось в бесконечной череде помятых мужских лиц. Невский был недалеко, так что я быстро добрался до цели. Парадный подъезд с мраморными лестницами произвёл бы впечатление на серое большинство помятых мужчин, если бы они были способны что-нибудь воспринимать кроме своей обычной заботы, но я видел и понимал всё – отсутствие следов реставрации на когда-то богатом внутреннем интерьере, пыль и грязь на площадках, слишком много разных мелких контор и учреждений помимо редакции, и сама редакция, которая занимала отнюдь не лучшее помещение, которое могло повергнуть в трепет разве совсем уж неискущённого юнца. Журнал явно не переживал лучшие дни. Или не сам журнал, а вся наша литература. Да и были ли у неё лучшие дни?

За столом, против ожидания не заваленном рукописями, а элементарно пустым, не считая нескольких полных и пустых пепельниц, сидела пожилая дама, которую нельзя было спутать ни с кем – сразу было ясно, что она работает в литературной редакции и занимается именно тем, что принимает начинающих авторов. На втором столе, уже совсем пустом, сидел относительно молодой человек, видно, какой-то сотрудник, и помогал секретарю наполнять помещение табачным дымом, перекидываясь с ней изредка непонятными фразами. Она стряхивала пепел прямо перед собой, поскольку сидела за столом с пепельницами, а ему приходилось время от времени наклоняться к ней, точнее, к её столу. Ко мне она отнеслась весьма приветливо, и мы поговорили о многом, прежде чем я сказал конкретно, зачем пришёл. И очень сожалела, что их журнал не печатает пьесы. Совсем. Но, если я принесу им что-нибудь из прозы – лучше прозы, чем поэзии, особенно на злободневные темы, либо хорошо проработанную историческую вещь, – шансов у меня будет много. Молодой человек сидел, дымил и не вмешивался. На этом я и попрощался, нельзя сказать, что разочарованный, но без денег и без славы. То же повторилось и в других редакциях. Материал не взяли нигде, даже чтобы посмотреть.

Приходилось пересматривать жизненные планы. Во-первых, обеспечить себя источником пусть небольших доходов, чтобы можно было хотя бы питаться и платить за ту койку, к которой я уже начал привыкать за сегодняшнюю ночь. Но меньше всего я хотел возвращаться к прежней жизни с её работами и семьями, хотя всё это оставалось здесь же, рядом, почти на соседних улицах. Я не хотел обращаться даже к друзьям, которые меня поняли бы и приютили, и помогли, и не выдали, но если уж отсекаешь прежнюю жизнь, то отсекай её нужно целиком и полностью, окончательно и бесповоротно.

Я стоял на одной из небольших улиц рядом с Преображенским собором и думал, куда направить свои стопы. Напротив было маленькое кафе, и я прикидывал, могу ли я позволить себе чашечку кофе без сахара (а я пил без сахара и в лучшие времена), прежде чем двинуться дальше. Но прямо передо мной к тротуару подрулил огромный фургон, заслонивший не только вид на кофе, но и весь мир. Сразу вокруг засуетились несколько человек, – я сказал «засуетились», но это неправильно, точнее, захлопотали, потому что действия их были чёткими и осмысленными. Они распаковали фургон, раскрыли окна подвалов в доме, у которого я стоял, и тут я увидел, что это и есть счастливый случай, – у них явно не хватало одного человека, всё было так организовано, что я сразу это понял. И подошёл к ним. Меня взяли. Несколько часов мы с небольшими передышками переносили содержимое фургона, – а был он нагружен

печеньем, шоколадом и тому подобными вкусностями, – в подвалы, аккуратно расставляя там по сортам, следили, чтобы ничего не помялось, не уронилось и не исчезло в руках любопытствующих прохожих. Самим нам кое-что перепало, как мне объяснили, всегда часть товара бывает кем-то попорчена за долгий путь, от мышей до таможенников, и это всё можно доест за ними, и бесплатно.

Это были ребята одного из обанкротившихся учреждений. Но поскольку оно ещё дышало, хоть и на ладан, а найти работу по специальности им было практически невозможно, ребята и занимались кто чем, а эта бригада раз в неделю, а то и чаще разгружала бисквиты. Поскольку я пришёлся им ко двору, не будучи алкашом и обладая необходимой силой и аккуратностью, то получил разрешение иногда участвовать в их работе. Нужно было только вовремя находиться в нужном месте. И, главное, деньги платили сразу. Таким образом, пусть нерегулярный и негарантированный, но относительно постоянный источник заработка на первое время был найден благодаря случаю и прилежанию. Конечно, под конец работы побаливали спина и руки, но это была приятная усталость. И я пошёл домой, так как был уже вечер. Мимо проезжали бесшумные автомобили и гремящие подковами лошадей кареты, хотя в прошлом, когда булыжник ещё не был заменён асфальтом на большинстве улиц, гром карет, наверно, был гораздо сильнее, да и авто тех времён были немного более шумными. По дороге я зашёл в трактир, чтобы поесть, – дома обрастать бытом у меня не было никакого желания, даже если бы удалось завести кухарку, а брать обеды от хозяйки было совсем уже невозможно (*impossibile*), слишком уж она была грязная и пьяная. Я выбрал тихий с виду трактир недалеко от Сенной, в котором было мало народу, и поужинал там. На утро я не стал брать ничего, лучше позавтракать попозже, но не в антисанитарных условиях. А затем, так как давно уже стемнело, я отправился к себе. На лестнице было темно и судя по запахам очень грязно, вчера ещё я обратил на это внимание. Кто-то шастал туда-сюда, я имею в виду людей, но и иной живности тоже хватало, никто не обращал внимания ни на что, даже налетая на кого-то в темноте. Квартира по-прежнему была пустой. У хозяйки из-под двери выбивался тусклый свет и пахло чем-то неаппетитным из еды. Моя большая комната была по-прежнему пуста, моя кровать так и стояла почти поперёк, и малый свет из окон позволял не более чем просто ориентироваться в пространстве. Я всё-таки рискнул поставить кровать в более уютный угол, и она не развалилась. С запоздалым сожалением я подумал, что уже сегодня мог бы завести постель попроще, но было поздно, и идти никуда не хотелось. Усталость звала лечь как есть и как можно скорее, жаль только, что не с кем, несмотря на упомянутые антисанитарные условия. Теперь у меня наконец-то был свой дом – свой в том смысле, что я мог располагать им, а главное, собой в нём как хочу. Но оказалось, что я заблуждался.

Под утро опять стало холодно, потому что тепло имеет свойство рассеиваться в пространстве, а главное, ещё не наступил рассвет. В комнату ввалилась хозяйка в сопровождении мало-симпатичного, насколько я мог рассмотреть, субъекта, оборванного и опухшего. – Вот, будешь жить здесь, в этом углу. С ним. – Хозяйка кивнула на меня. – Устраивайся. – И вышла, не сказав мне ни слова. Субъект недоумевающе вращал головой, не совсем понимая, что происходит, потом, видимо, в голове у него что-то произошло, он уставился на меня, затем подошёл к своей кровати, такой же ржавой и скрипучей, как моя, уселся, покачиваясь, опять посмотрел на меня мутным глазом и сказал полувнятно: – Отец, если у тебя что есть, давай выпьем. – Надо было сразу ставить стену между. – Я тебе не отец, а ты мне не мать. Я своё отпил, так что давай сам по себе. – Он отреагировал слабо, долго качался, теряя последние остатки сознания, а потом повалился набок и замер в довольно неудобной позе. Я пошёл в свой угол и опять улёгся, планируя в уме уже сегодняшней день. Сосед не беспокоил, первый мёртвый сон у него длился долго. Я проснулся, когда он всё-таки свалился с кровати и с кряхтением попытался опять на ней устроиться. Дальше сон его сопровождался сипением, скрипением, храпением и

прочими звуками. Атмосфера в комнате не улучшалась, спасало только не слишком хорошо заделанное окно.

Несмотря на всё это, я выспался и встал рано, когда ещё только просветлело. Холод и голод способствуют здоровому сну. Это спасло меня от утренних картин соседского пробуждения, и я, как и накануне, вышел, лба не перекрестивши и не умывшись. Настроение и планы человека сильно меняются в зависимости от содержимого его карманов, и сегодня у меня уже копошились непрошенные мысли о том, что хорошо бы найти жильё попримичнее, да и хозяйство завести, если не хозяйку. Тут я вовремя остановился, поняв, что если дам мыслям развиваться в том же направлении, то жизнь вернётся к тому стандарту, от которого я бежал так недавно. Рано было радоваться и рано думать о быте. Всё приходит в своё время, если заниматься своим делом, а моё дело было – писать. Все поэты и философы – я имею в виду истинных, работавших за идею, а не за деньги, – всегда были нищими и хорошо если не преследуемыми. Ведь то, что думает свободный мыслящий человек, разительно отличается от того, о чём велит думать государство, и о чём думает толпа, и за это их не любят ни то, ни другая, и в этом они едины, а учитывая то, что народ и государство, если прибавить к ним и определённую территорию, образуют страну, то следует подумать, нужна ли стране, как явлению, культура вообще. Имеется некоторый опыт, показывающий, что государство без культуры существовать может, я не имею в виду варваров древности. В каком-то смысле и государство, и культура имеют общий принцип – и то, и другая прежде всего есть система запретов. А принципиальная разница здесь в том, что государственные запреты внешние, это рамки, налагаемые на индивидуя снаружи, чтобы он выполнял только необходимые функции и не более того. Система же запретов в культуре – это внутренние запреты, которые человек носит в себе, и которые и делают его человеком разумным, человеком общественным, и в основе которых лежат всё те же десять заповедей. Именно эти запреты и формируют человечество как единство поколений, как будущее богочеловечество [С. П. Семёнов] или космический сверхразум, или ещё Бог знает что, но такое же величественное. А государство – это временная машина, решающая отнюдь не общечеловеческие задачи. Естественно, такие мысли о сущности государства в нашем государстве, как и в любом, публиковать было невозможно, да и просто записывать не рекомендовалось. Поэтому, имея немножко денег, я пошёл искать место, где можно было бы прилично оформить те из моих произведений, что можно публиковать в любом государстве. Эпоха гусиных перьев ещё не кончилась, потому что великие вещи создаются в любые эпохи, но записывать их гусиными перьями и чёрными чернилами гораздо приятнее.

Однако гусей давно съели, разводить их хлопотно, да и не плодятся они при социалистическом ведении хозяйства, поэтому и пришлось изобретать человечеству всякие там автоматические перья. Но с тех пор как цивилизация оседлала технический прогресс, в редакциях перестали принимать рукописи в прямом смысле, и первое требование к ним стало терминологическим противоречием – рукописи должны были быть отпечатаны на машинке или на компьютере, а сейчас даже и не отпечатаны, а на каких-то непонятных магнитных носителях, что уже совсем ничем не напоминает рукопись. Но машинки, как и компьютеры, были изобретены совсем недавно, а в нашем государстве вообще разрешение на механизацию процесса писания и, главное, размножения написанного только-только появилось, и неясно было, в какой мере и надолго ли, поэтому найти что-нибудь печатающее было непросто. К знакомым, как уже говорилось, я обращаться не хотел, потому что прежняя жизнь кончилась, правда, разыскивать меня могли, и очень интенсивно, потому что беглые рабы не имеют права на существование. Походив по разным конторам, я нашёл всё-таки безвестную машинистку, которая взялась перепечатать мои сказки в нужном формате. Их было немного, но на это ушли все мои свободные деньги, и воротился домой я не поужинав, потому что день кончился быстро за всеми этими поисками. Искать заработка было уже поздно, вечерний и ночной мир никогда не привлекал меня, а главное, очень хотелось спать. Поэтому я направил свои стопы к дому,

и в скором времени уже поднимался по лестнице, гадая, какие сюрпризы ждут меня ещё в этой квартире. Квартира, однако, оказалась пустой, у хозяйки было закрыто и темно, так что я спокойно мог улечься и заснуть.

Но долго поспать мне не удалось, как я и опасался. Где-то среди ночи, в самый тёмный её час, тёмный ещё и потому, что все окна в нашем колодце уже были погашены, только в двух, под самой крышей, где жили бедные поэты, теплились маленькие огоньки свечей, в этот час неприятный, хоть и не слишком громкий шум возвестил приход моего соседа. С неразборчивым ворчаньем он повозился и рухнул на свою не столько жалобно, сколько противно скрипнувшую кровать. Можно было некоторое время не беспокоиться, что он проснётся, и я остаток ночи проспал так спокойно, как мог. У меня было впереди три дня, за которые машинистка обещала сделать работу, и я мог посвятить их добыванию очередной порции денег.

Первый день прошёл впустую. Никто мной не заинтересовался, похоже, как и во все времена, везде нужна была протекция. Поэтому пришёл я домой не поздно, но ни с чем, и не поужинав, а также и не пообедав, и не позавтракав, и тихо лёг на кровать. Голод не помешал мне думать, а также тихо заснуть. Проснулся я среди ночи от несильного грохота, с которым мой сосед промахнулся, пытаясь улечься на кровать. Чем он сумел так нагреть, я не понял, но по крайней мере он не пострадал, как и большинство пьяных при падении, – мышцы у них расслаблены, и это смягчает любые удары. Напряжение и группировки амортизируют удары ещё лучше, но пьяные на это не способны. Ворча что-то, он поднялся, и на четвёртый или пятый раз ему удалось улечься так, чтобы ничего не свисало и ничего не перевешивало. Постепенно он затих, а я заснул и видел сон.

Сон: Я очень редко держу в своих руках “Огонёк”, никогда его не выписываю и не покупаю. Разве что случайно посмотрю во время ожидания в парикмахерской, или кто-нибудь из знакомых даст почитать интересную вещь. Но вот случилось, что стоял я на остановке, трамвая долго не было, и, как человек нетерпеливый, не могущий просто стоять и ждать, я пошёл поглядеть на то, что лежит в Союзпечати. Скользнул взглядом по гуде газет, взглянул на обложки и хотел отойти, но девушка, сидевшая внутри, пристально посмотрела и сказала: – Возьмите вот «Огонёк», не пожалеете. —

Можно было отказаться, возразить, поговорить на эту тему, но было в девушке что-то необычное и очень серьёзное, что заставило меня взять журнал и отойти, не сказав ни слова.

Журнал лежал свёрнутым у меня в кармане, пока я не вернулся домой. Не хотелось листать его в трамвае, потому что девушка была серьёзной, и что-то подсказывало, что с этим журналом будут связаны большие события. Я взялся за него только под вечер, сел к окну и открыл.

На второй странице обложки фотография, напоминающая обстановку тридцатых годов – несколько человек разматывают провод антенны через большой двор. Старенькие трёхэтажные дома, вид сверху на глазающую толпу любопытных.

– Это братья Змея, – вдруг услышал я чей-то голос, кажется, той девушки из Союзпечати. – Всмотрись и постарайся помочь. —

И я начал пристально всматриваться в фотографию, до того, что она заполнила всё пространство вокруг, и, оглянувшись, я увидел, что стою на краю крыши, в месте, с которого был сделан снимок.

Снизу по лестнице с концом провода в руке показался один из братьев. – Держи и вытягивай, я буду подавать. – Машинально я стал выбирать провод и наблюдать, как он поднимается с земли и провисает между крышами. Брат стоял чуть ниже, на лестнице, и подтягивал провод.

Провод начал раскачиваться, как только оторвался от земли. Он раскачивался медленно, и в то же время руки ощущали мелкое дрожание, как у натянутого каната. Посмотрев во двор, я увидел, что он обязательно заденет в один из своих размахов провода, идущие наискосок через двор и тоже покачивающиеся. И мы стали выбирать провод рывками, чтобы между размахами

подтянуть его сразу выше проводов. Но не рассчитали, и провода сцепились. В первый момент ничего, привычное лёгкое подёргивание, а потом всё потемнело, меня выбросило куда-то вверх тормашками и аккуратно усадило.

Свет. Сижу в гостиной, большой комнате, освещённой, но тёмной из-за резной отделки, старинной мебели. Я успел рассмотреть стены, сделанные очень искусно, в виде резных дубовых арок, в пролётах которых стояли небольшие диванчики с гостями. Ко мне подседа небольшая чёрненькая женщина, очень приятная.

– Вы, я вижу, ещё ничего не знаете. – Это была правда, и догадаться об этом было не трудно по моему виду. – Вот там, в углу – Настенька... – Собственно, дальше я уже ничего не слышал. Настенька сидела в углу у окна, окружённая несколькими, и при разглядывании комнаты я не обратил внимания на эту группу, как и на всех остальных в этой комнате, так как присутствующие создавали такое бесцветное впечатление, что взгляд на них не останавливался. Но сейчас, увидев после слов родственницы Настеньку, я был настолько ошеломлён, подавлен, что, возможно, мой вид был очень неприличен и выделялся в этом чинно-покорном обществе. Настенька была той женщиной, которую мы ласкаем во сне, зная, что это сон, она была той женщиной, которая не может существовать вне нашего воображения. Я понял её смысл сразу же, с первого взгляда на её тяжёлые светлые косы, на выражение её лица, и она моментально выделилась из серой массы гостей без единой живой чёрточки, она выделилась для меня одного, потому что все остальные не понимали, не могли по своей чинности понять её.

И она также узнала обо мне, – наши глаза сошлись, и она замерла, читая во мне мысли, недоступные окружавшим её. И, – я знал, – она радовалась моему появлению, как последнему и единственному шансу жизни, и она действительно была с этой минуты женщиной моей и для меня.

И она была невестой Змея. Голос родственницы прорвался наконец через этот мёртвый круг молчания. И Настенька тоже опомнилась и сделала вид, что она просто поражена моим необычным поведением и поэтому так долго на меня смотрела. И сейчас же гости начали перешёптываться, поглядывая на меня. Это мне очень не понравилось, хотя гости и выглядели совсем безобидно, и думать о каких-либо действиях с их стороны было просто нелепо.

Вдруг – темно. Даже окна погасли. И панически-подавленный тихий вскрик нервного гостя: – Змей!

Вполз большой, чёрный, длинный, с огнём. Стало жутковато. Подошёл к Настеньке и повёл её за собой обратно в дверь.

Настенька остановилась и умоляюще посмотрела на меня. Змей потянул её, – она попыталась сопротивляться. Он посмотрел на неё, проследил её взгляд и в момент, когда я шагнул вперёд, взглядом остановил меня. Именно остановил, как каменной-каменной стеной. После этого Змей посмотрел на Настеньку, и она исчезла. Змей начал ускользать обратно в дверь, но так как он уже не смотрел на меня, я ухватился за чешую и таким образом въехал в соседнюю комнату.

Она оказалась тоже гостиной, только не такой роскошной, а с простыми белёными стенами. Змей исчез в следующей комнате, а я сидел на диване, как и все гости, чинно и пристойно.

Настенька стояла у окна, одна, отвернувшись. Я хотел подойти к ней, но что-то не пускало, а заставляло сидеть, положив руки на колени, и молчать.

Опять подседа эта приятная родственница, шепнула: – Не удивляйтесь, посмотрите лучше журнал. – И даёт мне в руки тот самый «Огонёк». Я с удивлением взял его в руки и посмотрел на обложку. А когда поднял глаза, Настеньки уже не было.

В середине комнаты появился стол, большой, прямоугольный, на нём что-то стояло. Все расселись. Ни одного лишнего движения, звука. Все чего-то боятся. Вошёл Змей, на этот раз

в человеческом облике – невзрачный, в очках, не улыбающийся, вроде отставного учителя с узким лбом. С презрением оглядывает собравшихся, криво усмехается и наливает всем по стакану. Видно, что все его боятся. – Пейте! – Дрожат, не решаются. Змей кулаком по столу и в гнев выбегает. Я выпиваю свой стакан и иду к дивану, к приятной родственнице.

Она рассказала, что свадьба не сегодня, – ещё не готово платье для невесты. А гости собралась. Змею не понравилось, что она со всеми, спрятал её, а гостям велел вместо невесты посмотреть выкройки. И действительно, гости, разойдясь от стола, зашелестели большими листами бумаги.

– А Настеньке, наверно, уже не вырваться. Змей обладает огромной силой. Особого вреда не причиняет, но очень раздражительный, кричит, ругается, ну а поскольку он Змей, то все боятся. А уж своё держит крепко. Настеньку не отдаст. Но ты не отчаивайся, время ещё есть. Может быть, что и удастся. Мы поможем, – ведь ты же помогал нашим братьям. – Она поворачивается к одному из них, щёлкает пальцами, —

И снова я стою у Союзпечати. Девушка улыбается, и я вспоминаю, что видел её у Змея, среди гостей. Она протягивает открытку: – Пишите Настеньке. —

Проснувшись: Проснулся я снова от холода, сжимая руки так, как будто в них всё ещё была та открытка, которую обязательно надо было отправить сегодня. Однако в руке ничего не было, открытка валялась на полу, еле различимая в утреннем полумраке. Видно, я выронил её, когда пытался сжаться в существо с минимальной наружной поверхностью. Я даже слегка позавидовал соседу, – он, кажется, ничего не чувствовал, ни холода, ни грязи, ни неудобств. Конечно, проблемы у него были, и они были важны для него не меньше, чем мои для меня, но его проблемы были решаемы. Мало того, существовала хорошо отработанная и действенная система их решения, и думать было совсем не нужно, – выполняй автоматически требуемые заученные действия, и стакан обеспечен. А без всего остального можно обойтись. Зависть быстро прошла, но зерно её осталось, и не исключено, что когда-нибудь оно прорастёт. Тем не менее пора было вставать. Я поднялся и прежде всего взглянул на открытку. Она была нормального размера, со всеми почтовыми принадлежностями, – куда, кому, и только рисунок был необычным – цветы и бабочки, ярко-пастельных тонов с удивительно чёткой прорисовкой контуров. Наша печать не умела делать такие вещи, по крайней мере, в те времена я встречал такое качество воспроизведения только в отдельных высококачественных изданиях. Но делать было нечего, она была именно такой, и следовало писать, и отправлять, и ждать ответа. Я промыл глаза той водой, которая нашлась в моей кружке, и хотел пристроиться к подоконнику, потому что свет уже появился над окружавшими двор крышами, бледный свет раннего осеннего утра, когда так не хочется вылезать из тёплой постели. Вряд ли у большинства обитателей этого дома были тёплые постели, но они спали, по крайней мере света не было ещё ни в одном окне. Не то, что по вечерам. К утру успокаивались все, и это было золотое время, когда никто не мог помешать с улыбкой встретить наступающий день. Но один из полуночников не выдержал режима. Мой сосед уже сидел на кровати, водя глазами по комнате, и усилия, которые ему для этого требовались, поворачивали и его всего, и кровать уныло отзывалась на эти движения. И под такой аккомпанемент он завёл разговор. Хотя разговором его речь называть было трудно, несмотря на то, что он явно видел меня и думал, что беседует со мной. И монологом тоже, потому что монолог – это нечто цельное и последовательное. Здесь же...

.....
Утро... Какого... Опять светло...

.....
Или вечер... Всё равно светло...

.....
Спать надо...

.....

Эй!

.....

Почему не говоришь?

.....

Вчера хлебнули. Стёпа где?

.....

По третьему... Чего он...

.....

Слышь, курить есть?

.....

Где-то у меня тут...

.....

Ни хрена...

.....

Ни хрена...

.....

Щас пойду. Встану.

.....

Сонька падла.

.....

Где Стёпа? Зажал...

.....

Восемнадцатого...

.....

Четыре раза по рубль тридцать.

.....

Щас встану...

.....

Охренели они, что ли?

.....

Эй, который час?... Утра?

.....

Ну вот так. Скажите пожалуйста, где здесь умыться?

.....

Эй, слышь? Где Стёпа?

.....

Утро, что ли?... Не, лягу, посплю...

.....

Сонька, сука.

.....

Ты со мной говори, я те что...

.....

По листьям...

.....

Что-то морда обвисла...

.....

Слышь, курить есть?

.....

Точно утро?

.....

Ну тогда ладно...

.....

Сука, ещё на маленькую...

.....

Эй, газетки нет?

.....

Четыре с половиной, да ещё два. Эй, сколько будет?

.....

Щас приду. Рано ещё...

.....

Ну вот. Эй, где тут?

.....

Чего скрипит? И так башка...

.....

Если её сюда сдвинуть, весь угол мой будет.

.....

На лестницу...

.....

Вот пойду... Стёпа, сука...

.....

Чего выпендриваешься? Вот сейчас...

.....

Спать не рано. В одиннадцать на Гидравлике...

.....

Почему воды нет?

.....

Раскинулось море широко...

.....

За стол. Надо стол. Здесь что, нет?

.....

В ту комнату...

.....

Темно, и зажечь нечего...

.....

Слышь, курить есть?

.....

Чего всё молчишь да молчишь?

.....

С тобой говорю...

.....

На пятой линии...

.....

Сонька, сука...

.....

Есть тут на резьбе?¹ Я чего-то этих мест не знаю. Кто меня сюда?

---

¹ На резьбе. Так во многих краях обзывают Тройной одеколон в расфасовке от 250 г и больше. Справка для милых дам.

.....

Дыра. В кармане. Что бы в неё вывалилось...

.....

Это Стёпа. Завтра пойдём.

.....

Пивка бы...

.....

Сейчас пойдём к Серёге. Где Стёпа?

.....

Вот тут вчера было...

.....

Эй, а ты тут чего?

.....

Завтра же надо другую квартиру...

.....

Щас пойду...

.....

Нагнетают. Народу совсем худо.

.....

Чтой-то вроде мыши бегают?

.....

Ладно, ещё поспать...

.....

Слышь, курить есть? Нет? Ну и дурак...

.....

Ну и так далее.

Я не слушал, потому что нечего было слушать в этой речи человека разумного, и как только собрался, на что не ушло много времени, пошёл, так и не написав ни слова, и слышал, как опять закрипела кровать под соседом. Пока он был не агрессивным, но на всякий случай следовало подумать о переезде, потому что обстановка в комнате не благоприятствовала. Я ушёл.

Поскольку я жил недалеко от почтамта, я зашёл туда. С детства мне нравился этот большой зал, и галерея вокруг с фантастическими перилами, и, главное, винтовые лестники в глубине, пределом моих мечтаний было пробежаться по такой, в пятилетнем возрасте это интересно втройне, но лестники были недоступны, как и такая же лестница на Витебском вокзале. Только много позже, когда я был уже в очень серьёзном возрасте, мне удалось подняться по ней, и надо сказать, я испытывал совершенно детский восторг, сохранившийся с тех времён. Сейчас многое разрешено из того, что мы не знали в нашем детстве. На почтамте я сел за стол, положил перед собой открытку и задумался. Что можно было написать на этом маленьком куске бумаги такого, чтобы изменилась наша жизнь, чтобы сон стал явью, а сказка былью, и никогда не пришлось бы сожалеть о содеянном, если слова попадут в руки врагов. Я сидел долго, но потом встал и вышел, так ничего и не написав. Процесс творчества у всех происходит по-разному. Некоторые добиваются огромным трудом и тысячами переделок невероятной силы и выразительности, предельной отточенности каждого даже не слова, не звука – каждой буквы. У меня не так. Вся та работа, которая иногда происходит с шипением и кружением вокруг стола, проходит у меня незаметно, где-то в глубине сознания, почти неощутимо, так что я могу заниматься повседневными делами, и вдруг в голове как бы сами собой складываются слова и строчки, и их можно записывать, и они почти никогда не нуждаются в переделке. Правда, этот процесс намного дольше, чем активная работа над словом, но по моей природной

лени мне гораздо больше нравится, когда всё приходит само... Поэтому я отложил написание письма, предоставив своему мозгу работать, а сам пошёл добывать пропитание. Это оказалось труднее, чем казалось на первый взгляд наивных надежд. Полдня я бродил по улицам недалеко от центра, высматривая по сторонам тот самый счастливый случай, но ничего кроме нескольких пустых бутылок мне не подвернулось, да и к тем уже тянулись жадные руки конкурентов. Если бы я был небрит и плохо одет, как они, и они приняли бы меня за своего, меня бы непременно побили, потому что нельзя нарушать чужие границы, но так как я ещё выглядел неплохо, то, видимо, считалось, что я случайный и не посягаю на их ареалы, и чёрт с ним, вдруг он какой-нибудь – кто знает, что думали эти санитары большого города, но поесть я сумел, и неплохо, хотя, конечно, не котлетки де-воляй. Однако постоянно заниматься сбором бутылок значило стать таким же санитаром, войти в их среду, и забыть о духовной стороне существования. Прошёл я и мимо нашего склада, но там было закрыто, а идти в контору у меня не было морального права, даже и права голодного. Я посматривал на аналогичные подвалы, но ничего не подворачивалось. И совсем неожиданно я встретил одну свою старую знакомую. Я не успел отвернуть в сторону, и пришлось обмениваться любезностями типа – Как поживаешь, – которые необходимы, но тем не менее слегка утомительны, когда не ведут к установлению прочных новых или возрождённых контактов. Я же больше всего хотел улизнуть от этих воспоминаний об общих знакомых и проведённых когда-то не вместе, но рядом нескольких лет. И как всегда, оказалось, что всё к лучшему в этом лучшем из миров. Если бы я сбежал от неё, она не отвела бы меня на следующий день к ещё одному знакомому, уже не моему, и я не получил бы работы (или получил, но другую и очень нескоро), которая дала мне возможность жить и развиваться так, как мне было необходимо. Меня поместили в хорошо забетонированный подвал, бывшее (да и настоящее) бомбоубежище, рассчитанное на прямое попадание, с двойными стальными дверями на задрайках и с амбарными замками, в котором я должен был проводить одну ночь из трёх. Вообще-то из четырёх, но мне там так понравилось, что я уговорил их пересмотреть график. Я мог бы дежурить и каждую ночь, но это значило перенести дом сюда, а я не хотел иметь дом, зависящий от чего-то, кроме моих трудов, и уж больно была здесь казённая обстановка, хоть и поуютнее даже, чем у меня дома. Поэтому всё осталось как есть, и на следующую ночь я вышел на дежурство, запасшись бумагой, ручками, чаем и сахаром – я попросил небольшой аванс. И, возможно, сидение под землёй, хоть и не в прямом смысле, подвигнуло меня написать следующее.

Вальс цветов

В саду жили цветы. Жили они, естественно, в королевском саду, потому что ведь каждый хочет жить, как король. А что такое королевский сад, вы должны себе представлять. Во-первых, он был огромный [Андерсен. Соловей], во-вторых, прекрасный и, в-третьих, разнообразный. Если вы бывали в Версале или, скажем, в Петергофе, то можете себе представить, какая красота и какой порядок царили там.

Цветы были разные. Вообще-то цветы подразделяются на дикорастущие и декоративные, хотя не всегда их можно отличить друг от друга, как шиповник или лотосы, но в королевском саду такого, конечно, быть не могло.

Вдоль парадных аллей с фонтанами, мраморными фигурами и лестницами выстраивались приведённые к общему знаменателю правильные ряды небольших и причудливых разноцветных клумб, создающих неповторимые узоры. Чуть в стороне от главных направлений, окружая их, чередуясь с подстриженными и не подстриженными кустами, образуя вместе с ними единый пейзаж, громоздились массивы якобы дикой природы. На огромном пространстве характер посадок, пейзажа, ландшафта менялся, там можно было найти участки на любой вкус – от полных орхидей джунглей до эдельвейсовых лугов и кедрового стланика. Я не силен в ботанике и не могу назвать вам все тысячи и тысячи растений, тенистых и вьющихся, цветущих и благоухающих, которыми был полон сад, который можно было бы назвать музеем, если бы такие музеи уже не имели названия – Ботанический сад. Однако королевский сад – это не только музей, это среда обитания королей, место для их прогулок, отдохновения и лёгких шалостей, а иногда и для серьёзных политических интриг. Но это дело королей и их окружения, а нас интересуют цветы и прочие растения, потому что не все растения цветут. То есть цветут-то почти все, мало осталось на Земле нецветковых растений, только не всегда их цветы ярки и прекрасны. Ведь цветок – это всего лишь орган любви растений, а поскольку они намного уступают человеку в подвижности и в технике, то и приходится наиболее изобретательным отрачивать самые фантастические органы, чтобы привлекать – нет, не соловьёв, которые абсолютно не способны опылять, – а насекомых, которых мы, человеки, так не любим, – жужжат, надоедают, не отмахнуться, а некоторые ещё и кусаются. Кусаются, правда, только те, которые не порхают по цветочкам, но для нас нет разницы – мало у нас общего с насекомыми, и не хотим мы с ними дружить. И кто больше виноват в разнообразии форм и цвета, цветы или насекомые, так же трудно определить, как и кто был раньше – яйцо или петух. И только человек всегда ищет виноватых.

В этом саду гуляли мало. Мало не по продолжительности, а по количеству приглашённых. Бывало, праздники растягивались на несколько дней и ночей, но как правило, все разбивались на пары, или очень небольшие группы, и растворялись в садовом пространстве, приближаясь к природе, иногда сбрасывая одежды и занимаясь тем, чем и велит природа. А обслуживающий персонал, хоть и более многочисленный, всегда ограничивался специально отведёнными местами и не лез туда, где был бы нежелателен. В остальное время сад был почти пустым, если не считать садовников, но ведь они – это то же, что и сад, его неотъемлемая часть, ибо без них сад станет зарослями, каждое растение будет бороться за жизнь, часть победит, часть погибнет, так как может жить только в искусственно поддерживаемой среде, и в конце концов воцарится дикая природа. Но садовники за то и получают жалование, что то, что не может расти там, где хочется человеку – растёт.

Растения растут медленно. Точнее, они растут не очень быстро, хотя на отдельных этапах их развитие становится стремительным – за одну ночь сады покрываются белым безумием весеннего цвета, и бамбук прорастает сквозь тела казнимых, – но в основном человек вполне успевает предупредить нежелательные фокусы в их развитии, и это больше потому, что человек

может передвигаться от куста к кусту, а кусты, да, впрочем, и деревья, навек привязаны к одной точке пространства. Человек ведь тоже растёт медленно, хотя бывает, особенно весной... Но не с садовниками. Эта работа, как и всякая настоящая работа, не терпит суеты и спешки, и чем неторопливее, вдумчивее её выполняешь, тем лучшие плоды она приносит. Плоды здесь в прямом смысле. Хотя сад и не был плодовым, но много, много экзотических деревьев росло в самых неожиданных, но тщательно выбранных местах, чтобы какой-нибудь повеса, сорвав персик и поднеся его своей возлюбленной, мог сказать: – О, персик души моей! – Потому что нельзя же сказать: – О, гуайява души моей! – такое прилично было бы только среди диких народов Южной Америки.

Я размечтался.

Девушка, которой я когда-то говорил: – О, персик души моей! – давным-давно не со мной, хотя воспоминания живы и часто, слишком часто тревожат душу.

Растениям проще. Раз и навсегда привязанные к своему окружению, они не могут и помыслить о том, чтобы свободно сменить партнёра, и поэтому партнёров у них и нет, а летают туда и сюда неотличимые друг от друга перепончатокрылые и прочие, либо ветер задувает со всех 32 румбов одновременно, и все довольны, а что не так – на это и имеются садовники.

Растениям проще. Хотя если вспомнить борьбу листьев за кванты солнечного света, и борьбу корней под землёй за молекулы влаги, особенно если никто не заботится о прополке (хотя прополка – это уничтожение, равносильное войне, на которой врага уничтожают), поливке и прочем, то каждому живётся тяжело в меру его способностей. И не надо никому завидовать.

Главным достоинством сада была его систематичность, – всё было расставлено, рассажено, сгруппировано, выверено. Самое большое богатство сада, по признанию всего мира, составляли розы. Царь цветов, символ любви, источник наслаждения для глаз, обоняния, вкуса и прочего, розы в их бесконечном разнообразии, гораздо большем, чем даже в Никитском ботаническом саду, занимали огромные поляны среди экзотических лесов, разбросанные, казалось, совершенно случайным образом, но с каждым разом открывавшие всё большие богатства разнообразия цвета и форм. Я не уверен, но возможно, что там росли и голубые, и зелёные розы, которых нет и не было в природе. Но то в природе, а то в королевском саду. А тюльпанные и маковые поля – совсем такие, как они бывают в горах, огромные, однотонные, окружённые недалёкими горными цепями. И незабудки, мои любимые незабудки на влажных опушках леса, где так хорошо мечтается в жаркий день. Да что там говорить. Цветы существуют сами для себя, и красота их не является красотой в человеческом понимании, – это только целесообразность сочетания формы, цвета и запаха для максимальной вероятности продолжения рода и вида, сами же и цветы, и насекомые категории красоты не осознают, для этого нужно иметь более развитую, чем у них, систему оценок, которая как минимум должна включать в себя весь опыт, пройденный человечеством от букашки до того существа, которое могло сказать: – Это красиво. – Потому что красота – это понятие, а понятие может быть выражено только в слове, а слово – это речь, язык, который свойственен только человеку. И в этом человек ошибается, потому что язык как система обозначений – примитивней, чем у людей, но тем не менее действительно для своего уровня, – существует и у кошек, и у букашек, и у цветов. Точнее, растений, но цветы – это романтичнее, и не тот язык, что придумали люди для них, а тот язык, которым пользуются цветы в общении друг с другом и с теми, кто умеет этот язык понимать. Конечно, простейшую систему знаков, которую тоже можно назвать языком, понимает мало-мальски наблюдательный человек или работающий с растениями: начинает вянуть – мало воды, желтеет – много солнца, бледнеет и тянется вверх – мало света. Но мало кому известно даже среди опытейших садовников, что язык растений развит гораздо больше, слова, то есть понятия, в нём выражаются разными способами – и лёгким шумом разных оттенков, и положением листьев, и изгибом стеблей и веток, вплоть до того, что наиболее развитые экземпляры могут

передавать слова чем-то вроде семафора из листьев и цветов, ведь что-то подобное зрению у них существует, они различают светлое и тёмное, и основные цвета, хотя специального органа зрения у них нет. И до сих пор никто не смог этот язык изучить, даже просто научиться понимать его.

Сад был королевским, поэтому король был его хозяином. Однако у королей много и других дел, поэтому его власть над садом выражалась в самых общих указаниях, что бы он хотел видеть в отдельных уголках, да как организовать очередной праздник, да каким должен быть букет для подношения очередной пассии. Тем более что сад существовал очень давно, созданный при предыдущей династии, а ныне действующая тоже уже насчитывала несколько веков, и дворец был три раза перестроен согласно меняющимся эпохам, но всегда дворец вписывался в существующий ландшафт, а не пейзажи подгоняли ко вкусу заказчиков, хотя случалось и такое, ведь сад развивался, и каждое поколение что-то меняло в нём, и он становился тем прекраснее, чем меньше было в нём застывшего, неизменного. Для садов, как и для лесов, жизнь в вечном обновлении, а неизменность и повторение для них – смерть. Но саду, искусственному творению искусных рук человеческих, неизменность не грозила, потому что меняются вкусы, меняются эпохи и стили, и на месте лужаек появляются квадраты клумб, раскидистые кроны деревьев приобретают коническую или шарообразную форму, дорожки посыпаются песком, а затем песок сменяют гранитные плиты, на месте клумб возвышаются нагромождения искусственных скал, и зелень оплетает их, и деревья тянутся всё выше и выше, предваряя идею готики. Основной идеи для всего сада не давалось никогда, поэтому сад не был единым по стилю, он был един как целое, имевшее в себе самые разнообразные райские уголки.

И однажды в него поступил работать самым простым садовником Ли Те-цуй². Он не был ни агрономом, ни ботаником, ни даже дизайнером, он просто был добросовестным садовником, и любил цветы и деревья, и они отвечали ему тем же. Он работал для них с восхода до заката, и работа была ему в радость, и растения радовались вместе с ним. Всего-то в его обязанности входило поддерживать в определённом порядке небольшой сравнительно уголок, и можно было гораздо меньшими усилиями обслуживать его, но труд, вложенный в дело, никогда не пропадает даром, а даёт плоды, рано или поздно, если этот труд не через силу и не через желание, хотя плоды эти иногда не такие, какими хотели бы их видеть мы.

Мы, Сказочники.

Эта часть парка была регулярной, то есть более всего соответствовавшей логической стороне человеческого мышления, пытающейся соединить гибкие и неповторяющиеся закономерности живой природы с циркулем и линейкой. Поверка алгеброй гармонии [Сальери] не всегда нецелесообразна, иногда это даёт неплохие результаты, если не ставить во главу угла что-то одно, а умело их сочетать, и чаще всего это удаётся именно в садах и парках, где голая и в общем-то не всегда красивая жизнь заполняет голую и иногда лишённую красоты геометрию, и если удачно подобрано сочетание, то возникает новая гармония, непредсказуемая, но понятная, которая и называется регулярный парк. Дорожки, посыпанные песком или вымощенные камнем, низенькие кованые ограды вдоль них, рассаженные по строгому расчёту цветы, кусты и деревья, образующие партер, средний план и задний план. Ничего неожиданного, даже укромные уголки числом два находились на строго определённых местах, там, где было положено, и зелень скрывала уютные беседки именно так, как и должна – от постороннего взгляда. Что иногда происходило в этих беседках – Ли Те-цуй не интересовало. Там был порядок, созданный его руками, и этого было достаточно. Тем более что всё было понятно и так. Люди нельзя сказать, что не интересовали его, нет, он был обычным человеком, и общался со всеми, с кем необходимо, и немножко сверх того, и иногда, когда удавалось заниматься тем же, что и в

---

² По новому правописанию китайские имена в русской транскрипции пишутся иначе. Но в память о детских впечатлениях будем писать их так, как писали в 50-х годах.

беседках, тоже не возражал. Семьи у него не было, родители умерли, а свою семью он пока не заводил, хотя имел теперь хорошую работу и соответственное обеспечение. Но он знал свой Путь. Его влекли растения, цветы, они были главным в его жизни, и он понимал, что не смог бы оторвать от этого главного часть своей жизни, особенно для семьи, которая требует очень значительную часть жизни человека, потому что, вступая в семью, человек берёт на себя некоторые и довольно большие обязательства. Получает ли он что-нибудь взамен – вам виднее.

Нет ничего необычного в том, что человек иногда разговаривает сам с собой. Этому подвержены многие, и считать это каким-то отклонением от нормы нет оснований. Есть, конечно, формы самособеседования, которые прямо связаны с душевными расстройствами, как правило, старческими, но это особый случай. Реже встречаются люди, которые разговаривают с вещами, с обстановкой, возможно, потому, что беседа требует одушевлённого собеседника или хотя бы слушателя, а человек склонен одушевлять всё, что его окружает, особенно близкие и привычные вещи. И поэтому больше всего людей находит благодарнейших слушателей в братьях наших меньших, и уж это-то никогда никому не кажется странным. Растения в этом случае где-то между собаками и многоуважаемым шкафом [Гаев, Вишнёвый сад], – те, кто любит их, ухаживает за ними, как правило, склонен с ними и беседовать, а те, кто к ним равнодушен, так равнодушно и проходят мимо. Естественно, больше других склонны к разговорам лесники и садовники, если они вообще разговорчивы, потому что чаще этим делом занимаются люди, вообще не склонные к общению с другими людьми, а такие, как правило, и не любят особенно рассуждать вслух, довольствуясь обществом бессловесных созданий.

Но Ли не был угрюмым нелюдимом, и речь его лилась свободно. При том он был мало того, что грамотным, он и довольно начитанным, что было не совсем обычным для садовника в те времена. Да и не только в те. Естественно, я не имею в виду современную интеллигенцию, заразившуюся аграрной ностальгией и благодаря ей тоже постепенно вырождающейся в мелкособственнических землевладельцев. Ли немногие часы, которые он оставлял себе свободными, любил провести за книгой. В зависимости от настроения это могла быть и нравоучительная сказка, и детектив, и даже скучнейший философский труд, скучнейший для нас, разумеется, потому что Ли не умел скучать, разбираясь в извивах якобы логически построенных рассуждений. Умение понимать чужие мысли и взгляды дано не всем, чаще всего чужое отвергается не глядя, только потому, что оно чужое, и люди читают, заранее зная, что они скажут – Фу, какая ерунда! – или – Он не прав. —

Чтобы не соглашаться с какой-то мыслью, надо её хотя бы принять и усвоить, тогда и возражения приходят сами собой, и в таком только споре рождается ели не истина, то хоть что-нибудь. Проще, конечно, спорить с воображаемым противником, тогда мы всегда выйдем победителями.

Но Ли ни с кем не спорил, даже мысленно. Он разбирал читаемое, понимал его, насколько хватало его разумения, и откладывал в копилку памяти, не говоря при этом: – Хорошо или плохо, – а: – Вот и ещё одна теория. – В детстве чтение давалось ему с трудом, – как и всем китайцам, грамотность далась ему не сразу, тем более, что учился он от случая к случаю, но выучился, да ещё ему повезло, – учитель, который был сослан в их края, начал учить его ещё двум языкам – английскому и русскому, и хотя не успел довести дело до хотя бы полусвободного владения, всё же основа была заложена хорошая. Учитель сумел дать Ли чувство чужого языка, а дальше уже пошло само. Потомственные садовники, семья Ли работали не покладая рук, потому что только так и можно работать с тем, что растёт на земле, но световой день не всегда длинен, если не работать в теплицах, и зимой, даже при двух урожаях в год, всё-таки остаётся свободное время, и после трудов праведных можно заняться и чем-то ещё.

Ли читал. Это была страсть не к чтению, как к процессу, когда буквы (или иероглифы, что неважно, хотя механизмы здесь разные), складываются в слова и фразы, а именно к пониманию этих фраз. И чем больше человек узнаёт о мире, о делах божеских и человеческих,

тем больше у него возможностей узнавать новое, потому что мозг наш развивается пропорционально количеству накопленных знаний. К тому же знания не ложились у Ли в памяти мёртвым грузом, он переваривал их. Иногда, и довольно часто, с трудом, и сам придумывал различные сюжеты и комбинации, и всё чаще задумывался об устройстве мира и месте человека в нём, и не исключено, что когда-нибудь он и сам сядет за стол, придвинет к себе чистый лист бумаги и даст жизнь новому произведению, бессмертному не потому, что рукописи не горят [Воланд], а потому, что любое творение, даже уничтоженное, существует вечно, независимо от того, в прошлом оно, или в будущем, потому что ткань мира хранит всё содеянное, даже если оно невосвратимо потеряно человечеством.

Пока до этого было далеко. Однако прилежание и ум молодого Ли дали ему возможность попасть в королевский сад. Если на своей прежней работе он должен был строго выполнять предписания начальства, до мелочей заботящегося о процветании (в прямом смысле) по заданной программе, то здесь, в пределах общей задачи – создавать красоту, – он не был стеснён ничем, кроме самой красоты. Ему достался уже сложившийся, готовый участок, в котором гармонично сочетались все элементы, поэтому вопросы формирования пейзажа его не трогали, и он мог посвятить себя бесконечному разнообразию мелочей, которые одни только и дают ощущение гармонии и, можно сказать, уюта в самой неподходящей обстановке. Мы можем находиться на ткацкой фабрике или на цементном заводе, но даже в самом пыльном и шумном цеху вдруг удачно выгороженный угол, лёгкий рисунок на стене, какая-нибудь травка в горшке, слегка развёрнутый стул, – и душа отдыхает, и хочется жить дальше и любить весь мир. Правда, не всем.

Далеко не всем.

Сколь же большие возможности создать радость имелись в королевском саду.

И скоро Ли стал мастером именно таких мелочей, – посадить здесь зелень другого цвета, там прогнуть ветки, чтобы они давали другое поле обзора, в нужном месте положить камень, чтобы он напоминал о вечности или о необходимости свернуть на забытую дорожку. В потайных местах были развешаны серебряные и фарфоровые колокольчики, а также другие звенящие предметы, причём повешены они были так, что звучали только от определённых вздохов ветра или от неожиданного движения, и никогда не выдавали подкрадывающихся с добрыми намерениями. В таких уголках не могло быть зла, – звук даже маленьких звончков отгоняет нечистую силу, и остаётся только то зло, которое в человеке.

И действительно, если задуматься, – зачем вообще нужен Дьявол и иже с ним, если существуют люди?

А ночью светлячки создавали неповторимый живой, вечно меняющийся узор, перекликающийся со звёздным небом и дающий ровно столько света, чтобы обнажённое тело выглядело ещё прекраснее и желаннее. Потому что на ярком солнце на зелёной траве может и наскучить, если не будет таких таинственно светящихся ночей.

Труд и любовь могут многое в этом мире. И если результаты их не так быстры и впечатляющи, как результаты, скажем, хорошей бомбардировки, то это следствие только большей способности человека к уничтожению всего, что сделано его же собственными руками. Самое удивительное во всём этом, что что-то всегда остаётся, даже после ковровой бомбардировки, и не так мало, и только поэтому мы можем жить и развиваться, ведь для этого надо обязательно знать свою историю, – историю своих ошибок, хотя учиться на них и не обязательно. Недаром история вопроса всегда ставится в первую главу всевозможных отчётов о проделанной работе. Когда знаешь, как было, легче представить себе, как должно быть, и как будет. Нельзя разводить сад, не представляя себе, каким он должен быть в будущем, даже когда нас уже не будет, а для этого и надо знать, как растут деревья и распускаются цветы, и как проносятся бури, и какие бывают засухи. Всё это есть в истории вопроса, и кто знает её, тот может немножко больше рассчитывать на то, что он учёл все непредвиденные обстоятельства.

Хотя от ошибок не застрахован никто.

Ли Те-цой, как было сказано, не был учёным – то есть не впитал в себя чужую мудрость, но он приобрёл свой опыт, – а это что-нибудь да значит, – работая во многих садах и парках, и, любя их и зная, что они живые, он наблюдал их жизнь и изредка смерть под ножами бульдозеров, прокладывающих дороги в лучшее будущее. Обладая зоркими глазами, он наблюдал за растениями везде, где только видел их, то есть повсюду, потому что сила жизни такова, что в самых бесплодных местах, выжженных или вымерзших, как только появляется малейшая возможность, что-нибудь да вырастает. И даже если мир погибнет от атомных атак, то и на его горячем пепле пробьётся какой-нибудь растительный мутант, и именно с него начнётся развитие новой жизни.

Но ядерные войны всё больше уходят в разряд нереализуемых возможностей, а сады и парки по-прежнему украшают землю, и если вся она ещё не стала цветущим садом, то в этом виноваты не садовники.

Если любишь своё дело, то получается оно обычно неплохо. Ты сживаешься с предметом, над которым работаешь, и становишься частью его, или оно частью тебя, неважно, ведь творение всегда есть часть своего творца, и творец определяется своими творениями, и изменяется по мере того, как умножаются и совершенствуются его творения. Если только этот творец – не Бог. Потому что Бог только один и неизменен. Старые боги, такие как Озирис или Зевс, меняться могли, они и менялись согласно представлениям создаваемых ими всё новых поколений, и умерли, или по крайней мере вышли на пенсию, то бишь заслуженный отдых, потому что давно уже не слышно про них. А истинный Бог слишком велик и всеобъемлющ, чтобы меняться.

Король готовил очередной праздник. То есть готовили его многие, очень многие. Делом короля было назначить время, составить общий план, что он, правда, делал вместе с советниками, и позаботиться, чтобы обязательно были учтены некоторые мелочи, близкие королевскому сердцу, а также придумать несколько сюрпризов. Сюрпризов королевских – щедрых, неожиданных и не совсем справедливых. Общий план поступал в распоряжение спецведомств – распорядителей, снабженцев, поваров, пиро- и прочих техников и, конечно, садовников. Руководство каждого ведомства разрабатывало уже детальнейшие планы, где, как и что, сколько и почём, согласовывали всё это между собой, стараясь если не обмануть, – в королевском хозяйстве такого не водилось, – но не упустить случая. А дальше шли указания исполнителям – поварам, садовникам, уборщикам, туалетным работникам [Каин XVIII] и прочим, имя же им легион. Но без работы не оставался никто, каждый был нужен, и нужен именно там, где он мог лучше всего проявить себя к радости короля и его окружения. Конечно, каждый и так знал, как готовить и проводить праздники, но лишнее напоминание никогда не мешает, чтобы людишки чувствовали, что начальство не дремлет. Да иначе зачем бы и нужно это начальство.

Уголок, которым ведал Ли, всегда был готов к тому, что проходящий по нему, сам не замечая, настраивался на что-то очень романтическое и, двигаясь, казалось бы, прямо, на самом деле обходил все дорожки и входил под сень деревьев, образующих естественную беседку, укрытую от посторонних взглядов не только как бы дикими зарослями ежевики и шиповника, он и отсутствием вокруг проторенных путей, по которым кто-то ненужный мог бы пройти мимо. В беседке находились несколько предметов – скамья сложной формы, столик и несколько отполированных обрубков перекрученных стволов, на первый взгляд бесформенных, он на самом деле удивительно подходящих для нахождения здесь вдвоём.

Ли несколько раз обошёл своё хозяйство, осматривая его, выполнил ежедневные, еженедельные обязательные работы, поправил всё, что чуть-чуть отклонялось от необходимого беспорядка или порядка, доложил о готовности начальнику участка, и тот даже не стал проверять, всё ли хорошо, потому что знал, что за Ли Те-цоем ничего поправлять не

надо. Тем более что праздник был рядовым и шансов, что кто-то забредёт именно в этот угол сада, было немного. И праздник наступил.

Ли, как всегда в таких случаях, сидел в небольшом закутке, заgrimированном под груды искусственных скал в некотором отдалении от своего участка, с теми из обслуживающего персонала, кто мог бы понадобиться на соседних участках, но, как правило, не надобились. Внешне эти скалы выглядели нежилыми, и гостям не пришло бы в голову ломиться во вход, о котором они и не подозревали. А служители сидели за столом, смотрели телевизор и неплохо питались, потому что королевская щедрость был под стать королевской скупости, – всё в своё время. Однако в этот раз посидеть спокойно им не дали. – Садовники, на выход. Надвигается буря или по крайней мере сильный ветер. Обезопасьте гостей, которые идут в самшитовую беседку. – Это был участок рядом с участком Ли. Трое садовников из соседствующих выбрались из неширокой дверцы и пошли по скрытым тропинкам на свои места. Ли увидел, что по его дорожкам к его укромным зарослям тоже медленно идут двое. Им мудрено было бы спешить, потому что тела их были достаточно близко, чтобы путаться под ногами друг у друга, да и думали они больше не о том, чтобы идти, а о совсем другом, так что дорожке приходилось самой вести их туда, куда они так стремились.

И они дошли, и вовремя, потому что сильный порыв ветра прошёл по верхушкам деревьев и вырвался на простор цветников, и длинные стебли роз закачались, и шелест листьев-лепестков ясно выделялся на фоне мощного гула леса. Ли наблюдал, но хорошо рассчитанные и расчищенные кроны деревьев не уронили ни одной ветки, и даже несколько одиноких листьев, сорванных первым порывом унеслись, кружась, в такую даль, что никто их так никогда и не нашёл.

Ветер действительно бушевал чем дальше, тем сильнее. Он не был предусмотрен программой праздника, он был одним из немногих, что было неподвластно царям земным, и пылающие вдаль, у входа в сад, огни фейерверка уносило ветром в непредсказуемых направлениях, за что потом главный пиротехник был оставлен без ужина. Королевского ужина. Но там, где хозяйствовал Ли, ветер не нанёс ущерба, так как был заранее предусмотрен и просчитан, и деревья качались, но не ломались, и кусты роз не перепутались, и мусора на дорожках не прибавилось. Примерно то же было и в других уголках сада, и только у входа, где на открытых площадках были развлечения и танцы, пострадали туалеты дам, не всегда ветер создаёт пикантные ситуации, чаще ситуации бывают нелепыми, особенно если они заранее подготовлены. Пара же, которая находилась в беседке у Ли, скорее всего ничего и не почувствовала, им было не до какой-то бури где-то там, вне их.

Ли находился на своей территории до середины наступившей ночи, чтобы не могло произойти ничего непредусмотренного, и ничего так и не произошло. Те, кто были в беседке, провели время так, как провели, и мы можем только догадываться о том, что может подсказать людям любовь. В истинной любви, свободной от всяких там матримониальных устремлений, что встречается не часто, нет места ни прошлому, ни будущему, а существует только настоящий момент, с его краткостью и бесконечностью, ибо он существует всегда, но уловить его почти невозможно, иногда только это удаётся влюблённым. И остановить мгновение невозможно, что бы там ни говорили философы, и мир идёт вперёд, к новым мгновениям любви.

И смерти.

Конечно, мечты о будущем тоже встречаются, как и память о прошедшем, но не они главное в жизни истинно любящих, потому что как только начинаешь мечтать, мечты незаметно переходят к планам на будущее, а это всегда брак, дети, семья – рабство, добровольное и взаимное, и так до самой смерти. Смерти любви при отягчающих обстоятельствах.

Но в этой беседке в эту ночь под порывы ураганного ветра никто не думал ни о прошлом, ни о будущем, даже ни о настоящем. И тела сплетались и изгибались, и ноги, и всё, что можно и нужно, устремлялись и в зенит, и к центру Земли, и не было ни одной клеточки тела, которая

не участвовала бы в этом периодически повторяющемся процессе, затихающем, чтобы возобновиться.

Но всему на свете приходит конец (?), и рассвет перешёл в полдень, и ушёл, уводя с собой тучи и большой ветер, так и не смогший нанести большого урона. И громко вострубили трубы, созывающие всех собраться вместе для продолжения праздника. И наши двое покинули уютный уголок и отправились туда, куда их призывали, и больше говорить о них мы не будем, потому что толком и не известно, что с ними случилось в дальнейшем, это уже не наша история.

А Ли Те-цуй, просидевший весь остаток бури в зарослях, наблюдая и переживая, – не за людей, конечно, а за милый его сердцу сад, – пошёл осматривать свои владения, чтобы лишний раз убедиться, что всё идёт как надо.

Но не всё было как надо.

Внешне вроде бы ничего не изменилось, но сердце подсказывало ему, что с этой бурей в саду появилось что-то новое, неуловимое, и обязательно нужно было понять, в чём дело, иначе – что же это за садовник, который не понимает, что происходит в его хозяйстве. И он пошёл, внимательно наблюдая, прислушиваясь и принимаясь для полноты ощущений. Лес шумел как ни в чём не бывало. Тот его уголок, который находился на территории Ли, был небольшим и весьма ухоженным, лесом он назывался только из-за густоты растущих там деревьев. В него углублялся укромный уголок, а остальная часть была якобы дикой, в смысле что там не было ни одной дорожки, и вряд ли кто-либо туда заходил не по долгу службы. Регулярная часть с цветниками и зарослями, скрывающими второй укромный уголок, была заполнена в основном розами – разных цветов и размеров, одиночными и кустистыми. Хотя, особенно вдоль дорожек, были и другие цветы – целые клумбы с настурциями, анютиными глазками и другими, яркими и неяркими, но не высокими, а дающими пёстрые коврики, подчёркивающие вертикальную архитектурность розовых массивов. И как раз здесь, обходя это разноцветие, Ли и понял, что теперь цветы не просто кивают ему головками, как обычно, приветствуя, но что-то говорят, тихо и на своём языке, вроде бы понятном, но не словами, а какими-то своими, но явственно звучащими символами. Ли отчётливо слышал тоненькие голоса мелких цветов и солидный шёпот роз. Но мало того, что язык был непонятен, они ещё и говорили все сразу, так что понять что-либо, даже расслышать, было совсем уж невозможно. Но недаром Ли всю жизнь работал с цветами. Он догадался, что эта буря что-то изменила в окружающем мире, – то ли дала растениям способность говорить языком, близким к человеческому, то ли, что вероятнее, Ли стал более чутким, более понятливым, и теперь осталось только изучить этот новый или вновь услышанный язык. И он занялся этим. Подолгу стоял он около разных растений, разбирая отдельные слова, пытаясь выделить их из общего шума, потому что никто из них, даже горделивые одиночные розы, не захотели объяснить ему хоть что-нибудь, дать хоть маленькую зацепку. Они просто болтали, торопливо или не очень, почти непрерывно, и больше в пространство, чем обмениваясь какими-то мыслями. Но язык у них у всех был один, а не свой у каждого вида, иначе вообще дело было бы безнадежным. Единственно трудно было понять, о чём шумят деревья, потому что из-за большой высоты их говор сливался в привычный шум.

Прежде всего надо было понять, каким образом растения с их в общем-то несложным устройством могли производить членораздельные звуки. Но, присмотревшись, он увидел, как отдельные листки, веточки тёрлись и постукивали друг о друга, производя очень специфические шуршащие, но вполне различимые звуки, которых было достаточно по разнообразию, чтобы составлять слова и фразы. Но звуков этих было заметно меньше, чем у человека, у которого в большинстве языков их основных около трёх десятков (не говоря об оттенках, которых может быть намного больше [Шоу. Пигмалион]).

Нелегко было разобраться в сплетениях этих звуков, среди которых практически не было гласных, а в основном шипящие и такие, которых вообще нет в человеческих языках – стуки и пощёлкивание [День Триффида]. Вообще расшифровка неизвестных языков – дело трудное и

длительное, если сами носители языка не помогают и не обучают, да ещё если приходится всё воспринимать на слух, без записываемых знаков, с которыми работать легче [Шампольон]. Но терпения Ли Те-цюю было не занимать, и торопиться тоже было некуда, поэтому он, постоянно находясь среди своих растений, прислушивался и запоминал, пытался анализировать шумовые реакции на свои действия, на погоду. И так, постепенно, он овладевал языком цветов, – потому что цветы были болтливей всего, с ними было легче работать. Он быстро убедился, что воспроизводить эти звуки, даже приблизительно, он не сможет, уж больно они были нечеловеческими. Но слушать и понимать их он, наконец, научился.

В свободные часы, которых у него было вполне достаточно, как у всякого, умеющего организовать свой труд, он подолгу прогуливался вдоль своих любимых цветочных зарослей, или сидел, как сидят все восточные люди, на собственных пятках. Европейцу это умение даётся трудно или не даётся совсем, поэтому мы изобретаем табуретки, стулья, скамейки и троны. На востоке же распространены из всех этих орудий сидения только троны, и то не потому, что на них удобно сидеть, а исключительно как подставки для высокопоставленных. Ли же не был высокопоставленным, и поэтому с пелёнок, раньше, чем научился ходить, научился сидеть на собственных пятках. И теперь он слушал и слушал непрерывающиеся разговоры цветов.

И чувствовал, что тупеет.

Цветы болтали непрерывно, прекращая своё общение только с заходом солнца, когда всем дневным существам полагалось утихомириваться и отходить ко сну для восстановления сил после трудов праведных и неправедных. Лепестки сворачивались, чашечки закрывались, и лёгкая дремота овладевала всеми растущими, да и бегающими, и летающими тоже, за исключением тех, у кого глаза большие, и кто по ночам осуществляет свою чёрную деятельность – грызёт и грызёт, либо ловит зазевавшихся или плохо спрятавшихся. Но с восходом солнца цветы раскрывались навстречу наступающему дню, поворачивались ко всеобщему источнику жизни и вместе с источаемыми ими ароматами извергали в пространство свои накопившиеся за ночь мысли.

Что же было в их мыслях, что вылезало наружу в их разговорах. С нашей, человеческой точки зрения, – полнейшая чушь. – А вот складочки у лепесточков... – Ах, листик завернулся... Ах, ветерком подуло... Ой, листик упал... О, кто-то мимо прошёл... Самыми разумными были многочасовые рассуждения о погоде. Но ведь и в человеческом обществе они занимают немалое место даже у людей, имеющих хоть какие-то мозги, а что уж говорить о растениях, которым мозговое вещество по определению не положено. Поэтому и мысли у них, точнее то, что можно назвать мыслями только у мыслящих, были маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие [Буратино] и недалеко уходили от простой констатации ощущений. Но ощущения у них были намного острее, чем у среднего человека, – они здорово чувствовали как перемены в погоде задолго вперёд, так и скрытые побуждения и характер людей, проходящих мимо, и могли бы даже читать их мысли, если бы способны были к такой сложности. С удивлением Ли открыл, что наибольшее наслаждение цветам, да и не только цветам, доставляют насекомые, летающие и жужжащие вокруг. Тут уж даже никаких слов и выражений у них не хватало, просто – Ах!

Но именно благодаря цветам он познакомился с Лао. Он, как обычно, сидел сбоку от большой клумбы роз, слушая их и почти полностью погружившись в их рассуждения. В начале цветы очень удивлялись, что кто-то слушает их, но Ли Те-цюю они знали давно, он был для них почти что своим, только вот говорить не умел, но видели они от Ли только хорошее, и по-своему были благодарны за все заботы, – ведь очень многое цветы не могут сделать для себя сами, и поэтому от недостатка заботы чахнут и вянут. Поэтому и существуют в мире садовники. Потом они перестали обращать внимание, когда он слушал их, но видя, что он всё или почти всё понимает, стали требовать определённых действий по уходу, которые он обязательно выполнял, за что цветы были ему искренне благодарны. Итак, когда он в очередной

раз слушал их болтовню, он уже знал, что цветы замечают приближающихся людей задолго до того, как их можно увидеть, но в основном это были знакомые и ему и цветам служители, и реакцию цветов можно было бы перевести словами – А это садовник идёт. – А когда вокруг прогуливались королевские гости, Ли, как правило, было не до слушания цветов, хотя он и слышал в их шелесте тревогу – А вдруг этим захочется кого-нибудь сорвать... —

А тут шёл кто-то неизвестный цветам, и сначала они встревожились – Ах, кто это... Ах, вдруг что-нибудь случится... Ах, как плохо я выгляжу, вдруг на меня посмотрят... А когда тебя срывают, это плохо... Это кто-то незнакомый... Ах, какие лёгкие у неё шаги... Ах, она такая мягкая, мягкая... Ах, она такая... и так далее, от тревоги они перешли к безмерному, по своему обыкновению, восхвалению идущей. И Ли стало любопытно. Ведь растения гораздо лучше чувствуют душу человека, даже скрытую от посторонних взглядов, и уж если они так сразу перестали бояться и перешли на восхищение, значит, оно того стоило.

Ли осторожно приподнялся так, чтобы только голова поднималась над уровнем цветов, и увидел, что по дорожке идёт, задумавшись, но целеустремлённо, тоненькая и миловидная девушка. Это только глупые европейские варвары думают, что все китайцы на одно лицо. Тот, кто хоть немного общался с ними, понимает, насколько они могут быть разными. И отличить прекрасную девушку от, скажем так, не очень прекрасной. Невдалеке от укрывающегося Ли девушка вдруг встрепенулась и начала осматриваться, как будто в задумчивости засомневалась в дороге. И увидела Ли. Конечно, в зрелище головы, торчащей из ровного поля цветов с несколько ошарашенным выражением на лице было мало страшного, скорее смешного, но от неожиданности она остановилась, и все цветы хором зашелестели – Ах, как она прекрасна... – И она, будто услышав их голоса и почувствовав себя венцом творения, приподнялась, потянулась к небу и улыбнулась Ли. Он тоже выпрямился во весь рост (Кто сказал, что китайцы малорослый народ?) и молча смотрел на Лао. Это потом, когда они познакомились, он узнал, что зовут её Лао Жуй-цы, а сейчас это было не важно. Он только слушал свои цветы, и из их разговоров понимал, какое сокровище ему встретилось.

Они прожили долгую и счастливую жизнь, и если умерли не в один день, то только потому, что так принято только в наших сказках, а они всё-таки были не европейцы. Ли до глубокой старости работал в саду, понемножку слушая свои растения, понемножку, чтобы не отупеть от их болтовни, и через много лет ему казалось, что он мог уже даже говорить на их языке, хоть они его категорически не хотели понимать. Не его, а его цветочный язык, потому что человеку невозможно говорить, как они, потому что человек существо разумное. Лао тоже работала в своём бюро королевских переводчиков, пока по возрасту её не отправили на заслуженный отдых. Тогда она стала помогать Ли. Часто, окончив работу, они сидели в лучах заходящего солнца, слушая бессмысленный шёпот цветов и музыку небесных сфер, потому что любая музыка – это информация о гармонии Вселенной.

Петербургские крыши (продолжение)

Я понимал, что получился далеко не шедевр, который переживёт века, – для этого нужно закладывать в произведение глубочайший смысл, – или глубочайшую бессмыслицу, – то, что будет с интересом читаться и через тысячу лет. Такими могут быть путешествия и приключения – для тех, кто любит постоянно стремиться к познанию, детективы и психологические романы – для любящих стройную логику рассуждений и нелогичность человеческих отношений, и, наконец, драмы и трагедии способным сопереживать и живущим за счёт эмоциональной энергии. И ещё – морализаторство и поучения. Кривятся, но читают и через тысячу лет. Священные книги читают не только потому, что они священные, а потому что в них есть всё, – и всего понемногу, чтобы можно было домысливать и толковать, ибо там, где начинаются толкования, каждый чувствует себя соавтором. Нет ничего хуже жёстко заданной схемы, не оставляющей простора для фантазии, но и такая литература находит своего читателя [Чехов], потому что разум человеческий ленив, он любит избытые фразы и прописные истины, над которыми не надо задумываться, и с которыми так привычно и безопасно.

И что же из всего требуемого имелось в моём произведении, – пожалуй, повторение избытых истин, и немножко оригинальничания, и ряд мест, явно списанных из других авторов. Правда, у меня хватило совести дать в соответствующих местах ссылки, таким образом защищая себя от будущих обвинений в плагиате. Однако, хорошие мысли не становятся хуже от повторения.

Но главное было не в этом. Главное, что заставляло меня терзаться, было ненаписанное – та открытка, которая жгла мой карман, мою душу, потому что дело было не в словах – дело было в том, что предложить-то мне было нечего. Легко сказать – Вырву тебя из пасти Змея. – Да, может быть, и вырву, шансы вроде бы имелись. А что потом? Куда деть вырванное? Это ведь не рукопись, которую можно хранить в ящике стола всю жизнь, чтобы её нашли потомки и благополучно выкинули на помойку. Здесь-то речь шла о жизни, с её банальнейшими требованиями – есть-пить, крыша над головой, ну и так далее, включая рваные колготки и кончившуюся зубную пасту. Так что следовало тысячу раз подумать, прежде чем. Или не думать вообще, броситься вперёд очертя голову, потому что лучше быть где угодно и с кем угодно, только не со Змеем. Так она думала сейчас. Но время идёт, и кто знает, что она будет думать потом, – лучше быть где угодно и с кем угодно, только не с ним. То есть не со мной. Потому что мелочи жизни тем и страшны, что определяют жизнь. Подвиг совершить трудно, даже раз в жизни, а совершать ежедневный подвиг доступно далеко не каждому [Тот самый Мюнхгаузен].

Я сидел в садике у Преображенского собора, думая и сомневаясь, – потом скамейки там убрали, – думал в основном о будущем, а не о настоящем. Дойдя сюда от почтамта, напившись духом города, великого и очень неоднозначного, я пришёл в состояние, которое довольно часто бывало у меня после прогулок по людным улицам центра, после бесцельного шатания по набережным каналов, возвращения домой по длинным мокрым мостовым. Я переставал воспринимать жизнь как что-то реальное, текущее в своём времени последовательности событий, время замыкалось в кольцо, и этот путь по в общем-то конечному городу становился бесконечным, потому что время останавливалось. Несмотря на моё движение в пространстве, И я возвращался всё в те же точки, которые проходил тысячи раз, и бесконечное количество этих точек делало бесконечным это кружение, от чего реальность происходящего нарушалась, и приходилось долго рассматривать циферблат, чтобы понять, сколько и которого, и ходят ли ещё троллейбусы [Последний троллейбус].

Мысли крутились вокруг всё того же рая в шалаше, предлагаемого прекрасной принцессе, хотя реальную обстановку я представлял себе гораздо менее сказочную, – я слишком много не знал, чтобы рассчитывать, очень мало знал, чтобы строить планы, и слишком много

знал, чтобы просто витать в облаках. Вариантов не было. Я – без дома, без денег, и скорее всего без будущего (посмертная слава меня сейчас не интересовала), и она – неясная, неизвестная, сказочная.

И тут меня одёрнуло. Пусть будет сказочная. Что мы видим в сказках? Иван-дурак, или Емеля – все они были вполне бездельниками и голодранцами, но тем не менее, на авось или по шучьему велению, выбивались в цари, чтобы опять же ни хрена не делать, а жрать пряники печатные да с женой молодой любиться. Так чего же я, дурак, здесь сижу, ни хрена не делаю, и ещё сомневаюсь. Вперёд, калёная стрела, три головы долой [Кот Василий], – и я на белом коне, потому что если ты сейчас на коне, то и завтра можешь быть ещё на коне, но если сейчас ты под конём, то завтра ты в больнице [Громы]. Если, как я посмотрелся в своей жизни, а особенно здесь, в трущобах, последний бомжик может и имеет свою бомжиху, то чего же я, молодой, здоровый, умный (?), никак не могу организовать свою жизнь. Ведь мужчина, который не может, не будучи в каких-то исключительных условиях, обеспечить себе нормальную сексуальную жизнь, то он просто не имеет права на существование. И, чтобы оправдать своё существование, вперёд. А все мои рассуждения говорят только о том, что нет между нами пока любви, – ведь, когда любовь, никто ни о чём не думает, а просто сбивают головы драконам.

Быстрым шагом я отправился обратно, к почтамту. Почему-то мне хотелось именно там совершить это сказочно-ритуальное действие. Тем более что упомянутая Союзпечать находилась недалеко оттуда.

Войдя в зал почтамта, я сел за первый попавшийся столик со стеклянным верхом и кучей исписанных, начатых и отброшенных бланков. Вытащив открытку, я ещё раз осмотрел её – она не изменилась, и кроме нестандартности рисунка она ничем не выделялась среди массы подружек её, выставленных в окошках почтамта. Я задумался на мгновение, в которое ни одной мысли ко мне не пришло, а потом своим решительным почерком (у меня их несколько на разные случаи, точнее, на разные форматы бумаги) написал – В полдень встречаемся в центральном зале почтамта у окошка № – я взглянул на ближайшее – 18. Я Вас узнаю, потому что Вы навсегда теперь в моей душе, в моей памяти. – На месте «Куда» я не написал ничего, на месте «Кому» – Настеньке. До вторника было ещё четыре дня, вполне достаточно для подготовки. Я встал и пошёл к Союзпечати. Она была закрыта.

Возвратившись домой немного, и даже не немного разочарованным, я, при всём своём нежелании, столкнулся с хозяйкой. Она, видимо, поджидала меня, потому что стояла поперёк дверей, появившись там, как только поняла, что иду я. – Тебя тут искали. Вот, оставили. – Она дала мне сложенную бумажку. – Спасибо. Что ещё? – Как что? Платить будешь? – поскольку у меня оставалось немного денег от аванса, я решил отвязаться от неё и дал немного. – Вот, пока. Остальное чуть позже. – Нельзя было её баловать, а также следовало поддерживать своё реноме бездомного и безработного. – Ну, ладно. – Даже если она что-то подозревала, она подыгрывала мне в знакомую ей игру. – Что-то у тебя там затевается? – А нельзя ли мне куда-нибудь от этого соседа? – Это будет дорого стоить. – Ну, тогда подождём. Вот разбогатею... – И я пошёл к себе. Соседа не было. На бумажке было написано – Погрузка завтра с утра. – Я улыбнулся и пошёл опять на улицу. Дождя не было, но низкие облака заметно нагоняли пасмурность, и в душу тоже, если душа эта была связана с городом узами нерасторжимыми. Для этого нужно родиться и прожить жизнь здесь, в Петербурге. Я пошёл опять к Союзпечати, надеясь, что она открылась после обеда. Но нет. Ларёк стоял запертый, с витрин всё убрано, и никакого намёка на то, будет ли он когда-нибудь опять живым. Это немножко тревожило, потому что цепь развивающихся событий не должна была прерываться из-за каких-то прозаических случайностей, не имеющих отношения к сказочным. Я подумал и решил, что, видимо, просто ещё не наступило время, и, успокоенный, пошёл домой, по дороге купив хлеба, сыру и воды. Разводить чай я не хотел из-за соседа и хозяйки, – любое домашнее хозяйство ставило меня в зависимость от них, чего допускать не стоило. Я бы и перекусил где-нибудь на скамеечке, но начал моросить

дождь, стало неудобно, и я поспешил на свой третий двор на улице Плеханова. Соседа не было. Хозяйки, видимо, тоже. Несомненно, она прочитала мою записку, и скорее всего поняла, что завтра у меня возможны какие-то заработки, и отложила очередное наступление на завтра. Я сел к окну, и в оставшемся свете угасающего мокрого дня мужественно съел всё, чтобы быть сильным до конца [Путешествие к центру Земли].

Ночь прошла спокойно, сосед припёрся, когда я уже спал, и мешал не очень. Утром я встал, естественно, раньше него и ушёл, не оставив за собой ничего, что можно было бы испортить. Всё-то моё хозяйство было невелико, но и его было жалко тем более.

На место сбора я пришёл первым, но вскоре подтянулись и другие. Пришлось подождать, пока подошёл наш транспорт. Мы тихо сидели в крошечном садике во дворе и лениво перекидывались репликами. Фургон подошёл, как всегда, хозяева вскрыли его, раскрыли подвалы, и работа понеслась. Мы таскали шоколад и бисквиты пять часов, не отвлекаясь на пустяки. Слегка моросил дождик, но работе не мешал. Кончили работу уже во второй половине дня, пока получили, пока переоделись, и я уже прикидывал, где бы мне получше, то есть поспокойнее пообедать, потому что после такой работы восстановить угасающие силы не мешало и тут ко мне обратился наш Лёша. – Ты куда сейчас? – Да вот поем и домой, надо поработать над собой. – Они не знали, чем я занимаюсь в остальное время. – А что? Есть какие-нибудь предложения? – Да вот мы тут собрались в одно интересное место. – К девочкам? – Не совсем, но попробовать стоит. —

Эта компания из полубывших научных сотрудников была немного старше меня, всего на два – четыре года, но эта разница сказывалась очень заметно, потому что детство наше, то есть воспитание, то есть все разделы характера, которые формируются воспитанием, проходило на смене эпох, когда ломались привычные установки и догмы, – о мировоззрениях не говорю, они есть далеко не у всех, только у мыслящих, а остальные, чтобы не думать, прячутся за привычные схемы предлагаемые массовой пропагандой (см. выше), и поэтому они казались намного взрослее или, по крайней мере твёрже в убеждениях, чем мы, более молодые, хотя молодые тоже бывают тверды в убеждениях. Поэтому я был уверен, что ничего плохого они мне не предложат, даже если это и будет выходить немного за рамки разрешённого.

И мы поехали. С пересадками, куда-то в новостройки, я особенно не всматривался, зная, что, если будет нужно, разберусь, где и как. Поэтому, когда мы подошли к нужным дверям, я даже не посмотрел на номер квартиры.

Встретила нас немолодая, пышная, но довольно привлекательная хозяйка. С Лёшей, видимо, она давно уже была знакома, потому что именно он представил нас, и её – мадам Зося. Вообще-то её звали Зоей, но мы все так любили давать прозвища.

Квартирка у неё была тесновата для притона, однако два спальных места были приготовлены, а кухня была достаточно вместительной, чтобы посидеть за столом.

Мы и сели. Пани Зося рассыпалась в извинениях, что девочек сегодня нет и не предвидится, – мы нагрянули в общем-то без предупреждения. Но я был уверен, что и в любом другом варианте девочек либо так же не было бы, либо мне-то уж обязательно бы не хватило. Как бывало всегда. Но Лёша, отмахнувшись, сказал – Сегодня мы не за этим. После трудов праведных ради хлеба насущного, когда ручки-ножки побаливают, какие уж девочки. Не лучше ли просто расслабиться, без резких телодвижений, и забыть на время и о трудах, и о девочках. Дай-ка нам твоего самого таинственного. —

– Ну, – подумал я, сейчас накуримся какой-нибудь дряни. – Но Лёша тут же понял ход моих мыслей. – Не бойся, это не наркотики. Тут что-то совсем необычное, и последствий никаких. – Странно, – подумал я. – Ни о чём таком не слышал. – Легенды, конечно, были всякие, с разными галлюциногенами, но всегда оказывалось, что это всё из одной коробки.

Тем не менее беседа быстро закончилась. Зося провела нас в комнату, устроила двоих на кроватях, пустующих сегодня, меня в креслах, стоявших по углам, притушила свет и зажгла

маленькую курильницу в середине. Дым был приятным и напоминал китайские или индийские курения. Довольно долго никакого эффекта не чувствовалось, а потом как-то сразу я очутился совсем в другом мире, жутко похожем на настоящий.

Крысолов

Мы сидели среди деревьев бульвара, тянувшегося вдоль берега большой реки, и смотрели, как облака затягивают вечернее тёмно-лазурное небо. Облака были низкие, и поэтому вместо чёткой границы края их выглядели как серый, почти чёрный в вечерних поздних сумерках туман. Он постепенно наполнил откуда-то справа, очень медленно для таких низких облаков, может быть, это и был туман. И было безветрие здесь, внизу. Но потом мы обратили внимание, что звёзды, уже очень яркие на фоне почти ночного неба, не закрываются туманом, а гаснут, именно гаснут незадолго перед тем, как передний край облаков наступит на них, как будто кто-то из небожителей протирал небеса тряпочкой, стирая звёздочки, чтобы расчистить путь наступающей тьме. И тут мы вспомнили, что именно сегодня в город должен прибыть Крысолов.

Он впервые появился у нас двести лет назад. Тогда он, действительно, вывел всех крыс, но только крыс, мыши так и остались жить в закромах и подвалах. И, насколько нам было известно, магистрат рассчитался с ним полностью, так что легенды о какой-то обиде с его стороны кажутся нам мало правдоподобными. Как и все торговые и промышленные города, Гаммельн дорожил своей репутацией, основой каковой всегда являлась честность в деловых отношениях, в особенности в торговле, это только очень мелкие лавочники могли себе позволить на больших ярмарках обманывать случайных покупателей, городской же магистрат никогда не пошёл бы на такое дело. Поэтому та катастрофа с детьми была вызвана какими-то другими причинами, о которых мы так и не узнали. Где-то кто-то кому-то обмолвился, что самим детям надоело слушать вечные поучения родителей, ибо дети глупы, и не получать от них столько сладостей, игрушек и денег, сколько им хотелось, и они решили наказать родителей, и ушли, но, поскольку они всё-таки были глупы, то и сгнули где-нибудь в лесу, потому что в те времена в лесах ещё водились волки. И разбойники. А поскольку люди всегда ищут виноватых, чтобы не быть виноватыми самим, то и свалили всё на ничего не подозревавшего Крысолова, а проезжавший мимо великий сказочник, не проведя достаточного журналистского расследования, записал историю со слов обиженных, и правильно сделал, потому что истинная история такова, какой её пишут.

И читают.

Крысолов не стал восстанавливать справедливость, зная, что после драки кулаками не машут, что история уже создана, и ничего кроме никому не нужных опровержений в прессе он не добьётся. И вот теперь он снова прибывал в наш город, и никто не догадывался, зачем.

Между тем все звёзды уже погасли, и туманные облака затянули почти всё небо, оставив только узенькую полоску там, где красная гамма заката давно уже сменилась тёмной-тёмной синевой. Зажглись фонари на улицах и вдоль набережной реки. В домах огни горели уже давно. На другом берегу, где была меньшая и беднейшая часть города, огни были тусклее и желтее, электричеством там пользовались немногие, и уличного освещения было там маловато. Зато чем ближе к центру города, тем ярче горели фонари, и жёлтый свет простых лампочек сменялся зеленоватым светом ртутных ламп, а на центральной площади сияли жёлтые солнца новейших светильников. Город наш и сейчас небольшой, а тогда-то он и весь состоял из десятка кварталов, так что эти переходы освещения были очень заметны. И площадь перед ратушей, выходящая на высокий берег реки, была видна отовсюду.

Справка: [БСЭ т. 28] Хамельн (Hameln) – город в ФРГ, в земле Нижняя Саксония, на р. Везер. 62, 6 тыс. жит. (1974). Транспортный узел. Металлообработка, машиностроение, химическая, кожевенная и текстильная (гл. обр. ковры) пром-сть; крупное мельничное х-во.

И вот теперь, когда небо полностью стало чёрным от низко висящих облаков рваного тумана, чёрных, но не грозных, а, скорее, как бы грязных, по ярко освещённой, но пустой в

этот час площади бойким шагом шёл молодой, в яркой весёлой одежде и лихо заломленной шляпе, Крысолов. Он нёс небольшую корзинку, укрытую клетчатым платком, надетую на палку странника, вскинутую на плечо, а в другой руке он нёс такую знакомую всем дудочку. Мы следили за ним из тени деревьев, росших вдоль набережной.

Слегка насвистывая, он подошёл к дверям ратуши и громко постучал. Естественно, никто не откликнулся, потому что рабочий день был давно закончен, все дела свёрнуты и убраны в шкафы и сейфы, а сторож, которого по традиции содержали при ратуше, по той же традиции спал беспробудным сном и обязан был проснуться самым последним в городе, если бы его (то ли город, то ли сторожа, не важно) стали будить. Крысолов постучал ещё раз, но, поняв, что сегодня уже никаких дел совершить не удастся, отошёл на середину площади и стал выжидающе оглядываться, как бы раздумывая, что предпринять дальше. И тут мы вышли из тени и предложили ему ночлег.

Он согласился.

Мы жили недалеко. Впрочем, в нашем городе всё было недалеко, и через несколько минут Крысолов уже отряхивал пыль с усталых подошв. В нашем бедном домике было тесновато, но помещений хватало, их количество с успехом возмещало их небольшие размеры, поэтому каждому гостю всегда доставалось по комнате, тем более такому значительному, как Крысолов.

Устроившись и приведя себя в порядок, на что ушло не много времени, как у всех, кто много путешествует, Крысолов спустился в большую комнату, служившую и как столовая, и как гостиная для приёма гостей, и общих трапез и бесед.

Стол был уже накрыт, мы всегда были рады гостям, а сегодня день был особенный, мы это поняли, как только село солнце, и поэтому пироги удались вполне, и чай был густой и наваристый, и варенье многих сортов стояло на столе в вазочках разных фасонов. Мы все уже сидели за столом кружком, благо стол был круглым и большим, и Крысолов занял соё место последним. Хозяйка разливала чай, всё остальное брали сами. Обстановка не способствовала поспешности, и не скоро беседа направилась на интересующие всех вопросы. Сначала отдельные реплики вертелись вокруг того, что было на столе и слегка о тех, кто сидел за столом, потому что мы ещё не были знакомы с Крысоловом, точнее, мы-то его знали, его знали все, но он, естественно, больше общался в нашем городе с крысами, чем с людьми, и нас, естественно, не знал. Но за столом, особенно таким, знакомятся быстро, и скоро все мы были похожи на большую дружную семью, каких уже почти не осталось в этом развивающемся мире. Возрастает ценность личности, и неизбежно падает роль рода – семьи, и умирают традиции собираться вместе за столом, и делиться своей жизнью, потому что разрыв между поколениями всё увеличивается, да и времени, такого ценного нынче, это отнимает немало. Но сейчас мы как будто вернулись во времена нашего детства, даже не нашего, а детства нашего современного общества, которое начиналось беседами за столами и в кухнях, и на лестницах, и кончилось одиночеством за рабочим столом, но с компьютером для связи с миром.

Крысолов охотно рассказал свою историю. Он был потомственным Крысоловом из цеха работающих с животными. Гораздо больше, чем крысы, ему нравились мелкие хищники, но крыс он тоже любил, и мышей, и прочих грызунов, ведь работать можно только с теми, кого любишь. Ещё в позапрошлом веке, когда засилье грызунов не компенсировалось производством огромного количества ядовитых, но малоэффективных химических соединений, а ловля производилась в основном механическими приспособлениями, он, посмотрев однажды мультфильм про Нильса, решил для себя, что никогда не будет убивать этих врагов человечества, так стало жалко ему этих тонущих крыс, пусть злобных и воинственных, но всё-таки гораздо более слабых, чем человек, и берущих только своей численностью. Тогда и изобрёл он способ не уничтожать крыс, а уводить их неизвестно куда – это было его секретом, и никто не знал, куда они деваются, но не возвращались они никогда. На вопросы Крысолов отделялся шутками, говоря, что правильно-то он не Крысолов, а Крысовод, но уж больно пристало к нему

его имя. И он не уставал доказывать, что вред от грызунов сильно преувеличен, что в хорошем, хорошо налаженном хозяйстве, где всё хранится в нужных местах и в нужном порядке, крысы и мыши заводятся в оптимальных количествах, с которыми справляются хорошо подготовленные кошки. И обильный, щедрый дом будет мёртвым без выглядывающих из углов чёрных точек крысиных глаз.

Мы очень хотели узнать, что же привело его в наш город на этот раз, но он так ничего и не сказал, как и по поводу увода, мы, однако, поняли, что на этот раз приглашения он не получил, а пришёл по своей воле с какой-то новой идеей, и хочет предложить её нашему городу, и в таких случаях преждевременное разглашение чревато. Поэтому, посидев за столом чуть больше положенного, мы отправились спать.

Не знаем, как Крысолов, но мы выпались, а он на следующее утро казался немного более взволнованным, чем необходимо, хотя был весел и остроумен, как всегда. Мы опять долго сидели за столом, объяснив, что к начальству рано идти нет смысла, оно всегда приступает к работе, когда солнце уже высоко, потому что не так уж много работы у него в нашем городе. Чем он и был хорош – никто никому не мешал жить, особенно мы начальству, и оно было счастливо, а когда начальство счастливо и процветает, процветает и город. Так и было, и возвратятся ли когда-нибудь нынешние блаженные времена?

Что есть истина? – спросил Пилат. А мог бы и не спрашивать, так как как начальствующее лицо, сам обладал истиной.

Всё очень просто. Бог сказал – Я есть Путь, и Истина, и Жизнь. Начальство поставлено над нами Богом, и оно отвечает перед Богом за всё, что доносит до нас. Посему оно обязано изрекать только то, что согласовано с Божественной волей. Следовательно, тот, кто постиг мнение начальства, тот познал истину.

Сие может быть подтверждено случаем, описанным незабвенным вечным учителем нашим, Козьмой Петровичем, который рассказал, как один начальник плюнул подчинённому в глаза, и тот прозрел.

Начальстволюбие на Руси всегда было развито. А уж у нас, законопослушнейших, и того более. И все должны жить в мире со своим начальством, это одна из прописных житейских истин.

О начале рабочего дня мы узнали по лёгкому оживлению на улицах. Город наш в основном торговый и деловой, поэтому на улицах появляются только те, кому уж совсем необходимо получить резолюцию, а практически все реально необходимые дела делаются за закрытыми дверями контор и квартир.

Вышли и мы, и через минуту были уже перед ратушей. Светило солнце, и было оно довольно высоко. Крысолов вошёл, мы остались. Он пробыл там долго, гораздо дольше, чем кто-либо из входивших когда-либо в нашу ратушу. Солнце перевалило за полдень, потом немного снизилось, опять стали набегать облака. Крысолов ладно, Бог с ним, но наши-то отцы города? Что могло заставить их пренебречь обедом, послеобеденным отдыхом, наконец, приятным завершением трудового дня? И только ближе к закату, когда наше казавшееся бесконечным терпение начало истощаться, из ратуши вышли все. Крысолов со снятой шляпой шёл не впереди, но как бы первым, и отдельно от группы отцов города. Они же редко выходили так кучно, разве только после очень удачного, либо после очень тревожного дня, ибо в такие дни они, как правило, были единогласны – благополучие города прежде всего. Сегодня на их лицах читалась озабоченность – значит, Крысолов принёс какие-то вести, заставившие их может быть даже и побеспокоиться. Ну что ж, такая у них должность – заботиться о нас, грешных. Крысолов тоже не был весел, как бывают иногда веселы те, кому удалось переложить заботы мира на чужие плечи. Нет, на его лице тоже была озабоченность, о чём он и рассказал нам, когда мы соединились и пошли на набережную, чтобы сидеть и разговаривать с видом на реку и закат. И опять облака не дали разгореться ранним звёздочкам, и не было вида звёздного неба, которое

так настраивает на мысли о мире, если смотреть на него достаточно долго и видеть не только золотые гвоздики и ангелочков с молоточками, но и как устроена Вселенная.

Впрочем, чем больше сумеешь увидеть, тем лучше. Так сказал Крысолов, когда мы обменялись мнениями по поводу этого самого неба. Чем больше умеет видеть человек, тем ближе он к пониманию мира, то есть к замыслу его Создателя, и, когда Создателю станет угодно приобщить такого человека к процессу Творения мира, человек сможет что-нибудь и создать. Те же, кто видят и понимают ограниченно, те и создавать могут только в силу своих знаний, то есть очень мало, и тем менее подобны они Творцу.

Создавать – это не просто делать какие-то грубые и ненужные вещи, это даже не то, что мы обозначаем понятием Искусство – творения духа. Создавать в высшем смысле – это устраивать мир согласно замыслу его Творца. Разумеется, для этого нужно уметь хоть что-нибудь делать руками (вещи) или головой (произведения мысли). Но нужно ещё и осознавать Замысел, а для этого человек должен быть либо избран Творцом, то есть творить, что называется, от Бога, что бывает редко, либо постичь его Замысел своим умом, что требует высокого развития и огромного труда, и поэтому тоже редко. А что делать человеку обыкновенному, который и хотел бы, да не может, не дано понять ему такие высокие материи, но он человек, и поэтому, по определению, хочет приобщиться к творению? Тогда ему нужно поступать как Крысолову – просто хорошо делать своё дело и помнить десять заповедей, которых на самом деле всего две – возлюби Бога и возлюби ближнего. А если ты ближним своим считаешь даже крыс, то намного ли ты ниже высочайших творителей?

А то, что Крысолов хорошо делает своё дело, знали все. И несмотря на то, что легенда о детях стойко держалась среди обывателей всего мира (за что следует благодарить великого сказочника), то, что его приняли наши руководители и так долго с ним беседовали, говорило о том, что Крысолову доверяли больше, чем кому-либо. И теперь Крысолов готов был поделиться и с нами своими опасениями.

Мы опять сидели за столом, и он, уже без своих лёгких шуток, рассказал, что, по его наблюдениям, начинает происходить. Последнее время он странствовал по каким-то южным странам вроде Италии, где тепло и много фруктов, и море почти всегда рядом, если идти вдоль побережья. Крупные города встречаются редко, в основном небольшие имения, стоящие, как правило, на самом берегу, чередовались с небольшими деревушками, стоящими дальше от моря, поскольку жители их занимались выращиванием плодов земных. Иногда встречались городки, тоже небольшие, их жители, по-видимому, не занимались ничем, поэтому и встречались такие городки редко. И в городках, и в деревнях он ночевал в амбарах, которые в это время были ещё пусты, выметены и ждали нового урожая. Естественно, сначала он уводил из всего селения своих любимых крыс, прятал их там, куда никто не мог заглянуть, получал обусловленную плату, иногда натурой, иногда мелкой монетой – он никогда не гнался за деньгами, и ночь, проведённая с самой прекрасной девушкой деревни (можем себе представить, какие там встречались красавицы!) стоила для него дороже золотых россыпей Колымы. Но это были романтические бредни, на которые мы не поддались. Мы прекрасно знали, что в деревнях не так уж много девушек, ещё меньше прекрасных, а те, которые заслуживают хоть малейшего внимания со стороны мужчин, давно и крепко принадлежат местным авторитетам. Так что найти среди них свободную, тем более на одну ночь (ради выйти замуж какая-нибудь, может быть, и освободилась бы от деревенских привязанностей), было равносильно чуду. Даже для Крысолова, умеющего делать небольшие чудеса. Но дело было не в этом. Передвигаясь от деревни к деревне, от имения к имению, Крысолов ощущал, как изменились люди за те несколько лет, что он не был в этих краях. Весёлый и беспечный народ, живущий под ярким солнцем, которому не нужно много усилий, чтобы прокормиться, у которого всегда в почёте были певцы, потому что каждый пел от чистого сердца в бесконечное небо, – этот народ стал не то чтобы злым или ленивым, это тоже было всегда, несмотря на доброту и жизнерадост-

ность, но люди стали задумываться, что нехарактерно. Обычно думать – удел стариков, сидящих у деревенского колодца, или уж самых отъявленных бездельников, сидящих у деревенского колодца. Только думают они о разном. Но сейчас задумывались все, кто только хоть чуть-чуть был к этому способен, и они стали задавать вопросы. Это можно было бы и приветствовать, потому что общая сумма человеческого знания должна возрастать, а не задавая вопросов нельзя её увеличить, но дело в том, что вопросы-то были уж слишком целенаправленные – Что с нами будет? – во всех вариантах, причём полная растерянность в этом вопросе соседствовала с полной безнадёжностью, которая составляла утвердительный смысл этого вопроса, потому что в каждом вопросе есть вопросительная часть и утвердительная часть, и легко отвечать на те вопросы, где последняя перевешивает. А вопросы о будущем, как и попытки его угадать, бессмысленны, мы никогда не сможем узнать, что нас ждёт, если не считать науки планирования, да и то тут и там возникают различные сюрпризы. Так устроен наш мир, хорошо это или плохо, но с этим надо мириться, тем более что оценки «хорошо» или «плохо» даются нам нами же. И невозможность знать будущее может в своей обречённости соперничать разве только с желанием человека знать будущее. И поэтому вопрос – Что с нами будет? – вечен, как человечество. Но то, что его начинают усиленно задавать в определённые времена и многие, говорит обычно о том, что равновесие, в политике именуемое стабильностью, в данном месте, если не во всём мире, пошатнулось, и привычный мирок грозит разрушиться, причём силами, неподвластными хозяевам этого мирка. Если человек живёт рядом с вулканом, он должен ждать извержения, если на берегу океана – шторма, если среди людей – войн и экономических неурядиц. Всё это обязательно, только вероятность разная, к тому же она ещё и изменяется в зависимости от обстановки, так что даже опытнейшие гадалки и пророки дают достаточно приблизительную оценку грядущих событий. А дразнит нас видимая определённая причинно-следственных связей, которая абсолютна и не имеет ничего общего ни с планированием, ни с предсказаниями будущего, потому что Творец должен же иногда нарушать собственные установления, хотя бы для того, чтобы вызвать восклицание – Чудны дела твои, Господи! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.